

Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте

27–28 сентября 2023 г.

Сборник тезисов

Под редакцией И.М. Кобозевой, А.И. Крюковой и Н.В.
Сердобольской

Москва 2023

УДК 811.161.1

ББК 87.458.21

С25

Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте.
Сборник тезисов. — Ред. И.М. Кобозева, А.И. Крюкова и Н.В. Сердобольская. — Программный комитет: А.А. Зализняк, О.Ю. Инькова, И.М. Кобозева, Н.В. Сердобольская, А.В. Циммерлинг. — Организационный комитет: И.М. Кобозева, А.И. Крюкова, Д.А. Пилюгина и Н.В. Сердобольская.
— М.: «Буки Веди», 2023. — 72 с.
ISBN 978-5-4465-3929-1

Конференция «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте» прошла 27–28 сентября 2023 г. в Институте языкознания РАН. В программу конференции вошло 20 устных докладов; тезисы докладов представлены в настоящем сборнике.

Подписано в печать 14.09.2023. Формат 60x90 1/16.

Гарнитура Times. Печ. л. 4,5.

Тираж 50 экз. Заказ № 3798.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117393, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещение XIX, ком. 321.

Тел.: +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Конференция финансируется грантом РНФ 22-18-00528

«Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

© 2023, авторский коллектив.

Оглавление

Беляев О.И. Сложное предложение в бартангском языке: разнообразие и единство.....	5
Борисова Е.Г. «Просто» как коннектор.....	9
Бызова А.А. Осетинские полипредикативные конструкции со значением причины в свете уровневого подхода.....	11
Виноградова С.П. К вопросу о др.-ир. относительном местоимении * <i>ya-</i> (и.-е. * <i>io-</i>) и его функционировании в качестве коннектора /союза /союзного слова (на различных уровнях) в текстах на раннеавестийском диалекте.....	15
Заика Н.М. Зависимость между параметрами варьирования причинных клауз в языках Европы.....	18
Зализняк А.А. Иллокутивное употребление дискурсивных слов как реализация семантического перехода ‘делать’ → ‘говорить’	21
Инькова О.Ю. Коннекторы с семантикой одновременности: особенности временного значения и семантической эволюции	24
Кобозева И.М., Сердобольская Н.В., Крюкова А.И., Пилюгина Д.А. Семантические и синтаксические типы коннекторов русского языка: база данных	27
Крюкова А.И. Метатекстовое употребление коннекторов в русском языке	31
Кустова Г.И. Типы употреблений коннектора <i>так</i> в монологической и диалогической речи.....	35
Летучий А.Б. Нестандартные подчинительные конструкции в русском языке	40

Пекелис О.Е. Эволюция временного союза <i>как</i> после XVIII в.: взгляд через призму типологических данных.....	44
Пичхадзе А.А. Иллокутивное употребление условных союзов в древнерусских летописях.....	48
Подлеская В.И., Соломкина Н.А., Шляхтина Л.Г. Асимметричность сочиненных клауз: опыт исследования автохтонного сочинительного союза.....	52
Птенцова А.В. Из истории «ультимативных» союзов <i>не то</i> и <i>а не то</i> (по данным Национального корпуса русского языка).....	56
Стексова Т.И. Межфразовые средства связи в русском языке .	60
Турилова М.В. Уникальность учебных проповедей семинаристов как источника лингвистических примеров.....	64
Урысон Е.В. Союз <i>или</i> – простой или составной?.....	67
Циммерлинг А.В., Янко Т.Е. <i>Правда</i> и <i>правда сказать</i> : от предиката к коннектору	68
Шереметьева Е.С. Полипропозитивная конструкция с коннектором <i>в свете того, что</i> как один из видов причинных конструкций	71

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В БАРТАНГСКОМ ЯЗЫКЕ: РАЗНООБРАЗИЕ И ЕДИНСТВО¹

Олег Игоревич Беляев

МГУ/ИЯз РАН, Москва

В бартангском, памирском языке шугнано-рушанской группы (иранские > индоевропейские), два коннектора — *ca* и *di* — обслуживают большинство типов подчинительных конструкций.

В функции **релятивизации** бартангский использует четыре различные конструкции. Две из них используют показатель *ca*: это конструкции с внешней вершиной (1) и коррелятивы (2). Эти конструкции используются в нерестриктивных и референтных контекстах (определённых и неопределённых). В нереферентных контекстах используются конструкции с показателем *di*, которые также имеют два варианта: постпозитивный (3) и препозитивный (4).

Придаточные **времени** также в основном оформляются при помощи этих двух союзов, при этом показатель *ca* используется во всех контекстах следования во времени (5), а *di* — только в предложениях, относящихся к будущему времени или обозначающих хабитуальные ситуации (6).

В **условных** и **уступительных** конструкциях преобладает показатель *ca*, факультативно дополняемый заимствованным союзом *agar*. Придаточные **причины** используют один из двух союзов: *ca* или *dondjat (di)*, причём только второй может использоваться в ассертивных контекстах (7).

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-18-00528. Материал собран в июне 2023 г. в ходе экспедиции в с. Басид Рушанского района Горно-Бадахшанской АО Республики Таджикистан. Я благодарен всем носителям языка, в особенности Файзмамаду Назариеву, Пулуду Кучакшоеву, Аноятшо Соибназарову и Джонали Пирмамадову, за их гостеприимство и поддержку. Также выражаю особую благодарность Холикназару Кучакшоеву, без чьей поддержки эта экспедиция бы не состоялась. Все ошибки в данных — на моей совести.

В финитных **целевых** придаточных используется только союз *di*, с факультативным добавлением показателя *lāk* (8).

Наконец, большинство конструкций с **сентенциальными актантами** делятся на два класса: использующие союз *sa* и использующие союз *di*. Первый тип используется в фактивных, событийных и генерических контекстах (9), второй — в пропозициональных контекстах (10).

При таком обилии средств выражения подчинительной связи оказывается неясным, представляют ли они собой, собственно, отдельные конструкции. Предложения с *sa* практически всегда имеют несколько интерпретаций: так, в зависимости от контекста (2) может иметь и темпоральную интерпретацию ('Когда ты подарил мне книгу, я её прочитал'), а (5) — напротив, нерестриктивную относительную ('Жена Пулода, который пришёл домой, готовила еду'). Рассматривать это как омонимию не представляется оптимальным решением. Скорее следует считать, что коннектор *sa* вводит пресуппозицию истинности зависимой клаузы и требует наличия связи между ней и главным предложением: анафорической, темпоральной или актантной. Условную функцию *sa*, вероятно, следует рассматривать отдельно — именно она объясняет его употребление при таких матричных глаголах, как 'нравиться'.

В докладе будут подробнее рассмотрены эти и другие функции союзов, проанализированы их семантические и синтаксические свойства, представлена ареальная и диахроническая перспектива.

Примеры

- (1) *āz =um ik=az um kitob*
 я.NOM 1SG EMPH=OBJ D3.F.SG.OBL книга
[tū=at mu=r (az=um) tufā
 ты.NOM 2SG я.OBL=DAT OBJ=D3.F.SG.OBL подарок
ca čūg], ǰoyd
 SUBD делать.PST читать.PST
 ‘Я прочитал ту книгу, которую ты мне подарил.’
- (2) *[tū =t mu=r kitob tufā ca*
 ты.NOM 2SG я.OBL=DAT книга подарок SUBD
čūg], āz =um ik=az um
 делать.PST я.NOM =1SG EMPH=OBJ D3.F.SG.OBL
(kitob) ǰoyd
 книга читать.PST
 ‘Которую **книгу** ты мне подарил, я **эту (книгу)** прочитал.’
- (3) *ar basīd ik=das odam nist*
 DOWN Б. EMPH=такой человек NEG:EXST
 =di, [(yā) darborayi zarabīn
 LNK D3.SG.NOM о 3.
na fām-t]
 NEG знать-PRS.3SG
 ‘В Басиде нет **такого человека, который** не знает о Зарубине.’
- (4) *[odam az mun pa rošorv*
 человек OBJ я.OBL UP P.
 =di ayos-t] az ik=das
 LNK вести-PRS.3SG OBJ EMPH=такой
talāb-um
 искать-PRS.1SG
 ‘Я ищу такого человека, который отведёт меня в Рошорв.’
- (5) *[pulod ar čöd ca yat],*
 П. DOWN дом SUBD прийти.PST
wī ǰan awqot wī=ri
 D3.M.SG.OBL жена еда D3.SG.M.OBL=DAT
pöxt
 варить.PST
 ‘**Когда** Пулод пришёл домой, его жена приготовила ему еду.’

- (6) *yoc =di tar-ed ya-t, poθ*
 огонь LNK EQ-MED.LOC прийти-3SG пуля
wiδ-d
 пускать-PRS.3SG
 ‘Когда туда идёт огонь, он пускает пулю.’ (устный текст)
- (7) *ik=id vurj=ti digar māw*
 EMPH=D1.SG.NOM волк=FUT больше овца
na xer-d, <dondjat> māš az
 NEG есть-3SG потому.что мы OBJ
dī <*ca> zān-an
 D2.M.SG.OBL SUBD убить-1PL
 ‘Этот волк больше не будет есть овец, **потому что** мы его
 убьём.’
- (8) *āz =um az xi bajoy čūg*
 я.NOM 1SG OBJ REFL спрятанный делать.PST
=di, (lāk) az mun mā wīn-an
 LNK PURP OBJ я.OBL NEG.MOD видеть-3PL
 ‘Я спрятался, **чтобы** меня не увидели.’
- (9) *āz =um ranōxī <*=di> tū =t*
 я.NOM 1SG забыть.PST LNK ты.NOM 2SG
tađor <ca> pōxč
 обед SUBD варить.PRF
 ‘Я забыл, **что** ты приготовил обед.’
- (10) *mualim fikri čūg <=di> māš =ti*
 учитель мысль делать LNK мы FUT
xi dars <*ca> xōy-an
 REFL урок SUBD читать-3PL
 ‘Учитель думал, **что** мы делаем уроки.’ (а мы играли в футбол)

«ПРОСТО» КАК КОННЕКТОР

Елена Георгиевна Борисова

ГАУГН, Москва

В роли коннекторов, т.е. средств связи фрагментов смысла и выражающих их частей текста, часто выступают усилительные (модальные) частицы [Инькова 2018]. Иногда наблюдается связь частиц с союзами, т.е. со словами, функция связи у которых из имплицуемой у частиц становится узуально закрепленной, ср. переход частиц в союзы, например, *ведь*. В большинстве случаев в значение частиц входит – в ассерцию или пресуппозицию – информация, выраженная ранее в тексте (а иногда и в контексте), и за счет этого возникает способность передавать связь фрагментов смысла.

Показательна в этом отношении частица ПРОСТО [Прияткина, Стародумова 2001], [Инькова 2018], которая, очевидным образом связана с наречием, получает еще по крайней мере два новых значения: эмфатическое (1) *Это просто великолепно!* и объяснительное, т.е. причинное значение (2) *Ты зачем это сделал? – Просто не было другого выхода*. При этом причинное значение дополняется оттенком извинения перед собеседником, что можно представить в виде формулы: «Мне очень жаль, что Р, но для этого имеется причина».

И в этой второй функции событие Р, для которого нужно объяснение (и извинение), может проявляться в большом количестве вариантов фрагментов смысла. В примере (2) этот фрагмент относится к содержанию события, описываемого вопросом, и тут частица может быть заменена причинными союзами. Имеется немало отмеченных случаев приведения причины не диктума, а модальной рамки высказывания. Среди собранных материалов имеется несколько случаев, когда *просто* встречается в первой реплике

(3) Звонок. – *Добрый вечер! Я просто хотела вас предупредить.*(4) Поднятая рука – *Я просто хотел добавить*. В этих случаях *просто* передает объяснение (с оттенком извинения) того, что говорящий совершает речевое действие.

Возможна и передача причины мнения говорящего: (5) *Ответ «Австралия»! Просто ты когда зачитывал варианты, на Австралии споткнулся*, т.е. «Я догадался, что ответ Австралия, потому что, когда ты зачитывал варианты, споткнулся». Наконец возможна передача причины эмоций: (6) *То, что он сделал, это просто, просто... - Он просто не учел последствия*, т.е. «Я не разделяю твоих эмоций, потому что он их не заслуживает».

В целом частица *просто* в ходе развития семантики оказалась приспособлена для выражения причины самых разнообразных событий, связанных как с пропозицией, так и различными фрагментами модальной рамки высказывания, в том числе и имплицитных.

Литература

- Борисова Е. Г. Частица «просто»: расширение функций // *Социальные и гуманитарные знания*. 2022. Том 8, № 4.
- Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А. и др. *Словарь служебных слов русского языка*. Владивосток, 2001.
- Инькова О. Ю. (ред.). *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. М.: ТОРУС-ПРЕСС, 2018. С. 24-76.

ОСЕТИНСКИЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИНЫ В СВЕТЕ УРОВНЕВОГО ПОДХОДА¹

Анна Александровна Бызова

МГУ/ИЯз РАН, Москва

Причинные конструкции выражают отношение каузации между двумя ситуациями. В последнее время причинные конструкции активно изучаются в рамках типологии противопоставлений в семантической зоне причины, см. работы [Заика 2019], [Сай в печати]. Грамматические описания осетинского языка содержат перечисление союзов причинной зоны, не обсуждая подробно их дистрибуцию (см., например, [Кулаев 1959]). Формальный анализ конструкций с причинным коннектором *уымæн æмæ* содержится в [Belyaev 2015]. Наконец, работа [Выдрин в печати] представляет собой общий обзор средств выражения причины. Существующие работы не содержат обобщений о наличии или отсутствии связи между уровнем использования коннектора и его синтаксическими свойствами. Интерпретация фактов осетинского языка в свете уровневого подхода и находится в фокусе настоящего доклада. Данные получены методом эlicitации в ходе экспедиций в г. Владикавказ в 2022 году.

Осетинская причинная полипредикация по структуре распадается на два класса: коррелятивы и псевдосочинение. Первые представляют собой подчинительные конструкции: зависимая клауза маркирована подчинительным показателем (*кай*), главная содержит местоименный коррелят. В причинных конструкциях коррелятом является демонстратив *уй* в дативе или в сочетании с причинным послелогом (рассмотрены *тыхкай* 'из-за', *гаегæ* 'согласно'), см. (1). Псевдосочинительные конструкции имеют свойства, характерные для

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации»)

подчинения и для сочинения (см. [Belyaev 2015]): клаузы соединены союзом *æмæ* ‘и’ в сочетании с *уымæн* или группой с *уый* и причинным послелогом (были рассмотрены *тыххæй*, *гæсгæ*), см. пример (2).

В выделении уровней мы ориентировались на [Swester 1990]. Мы рассмотрим распределение коннекторов по следующим уровням: *content domain* (уровень пропозиции), *epistemic domain* (логический уровень: отношение обоснования „Они дома, потому что в окнах горит свет“); *illocutionary domain* (уровень речевого акта: „Разогрей еду сам, потому что я уже ухожу“).

Таблица ниже обобщает распределение осетинских коннекторов по уровням:

Уровень	Псевдосочинение			Коррелятивы		
	<i>уымæн æмæ</i>	<i>уый тыххæй æмæ</i>	<i>уымæ гæсгæ æмæ</i>	<i>кæй уымæн</i>	... <i>кæй тыххæй</i> ... <i>уый ма гæсгæ</i>	<i>кæй ма гæсгæ</i>
<i>content</i>	ОК	ОК	ОК	ОК	ОК	ОК
<i>epistemic</i>	ОК	%	%	*	*	ОК
<i>illocutionary</i>	ОК	ОК	*	*	%	ОК

Как видно из таблицы, сфера использования некоторых коннекторов является разрывной, что противоречит предположению [Tsunoda 2018] о том, что уровни образуют имплицативную иерархию. Псевдосочинение в основном характеризует возможность функционирования на уровне речевого акта. Дистрибуция коннекторов, использующихся в коррелятивных конструкциях, в целом ограничена уровнем пропозиций. Коннекторы, включающие послелог *гæсгæ*, в обоих случаях имеют нетипичную для конструкций дистрибуцию. Это может быть обусловлено спецификой семантики единицы, что будет обсуждаться в докладе.

Все псевдосочинительные союзы имеют способность к „разрывному“ употреблению, ср. (2) и (3). В такой конфигурации все коннекторы ограничены уровнем пропозиций, эпистемическое и иллокутивное прочтение невозможно (ср. то же ограничение для русских союзов в [Пекелис 2013]). Псевдосочинение и коррелятивная

конструкция вне зависимости от выбранного коннектора одинаково допускают фокусирование причинных компонентов и фрагментирование. Ограничения, связанные с линейной позицией, а также некоторые другие синтаксические свойства клауз с рассматриваемыми коннекторами мы планируем детально рассмотреть в докладе.

Примеры

- (1) *Æз хæринаг*   *кæй*   *нæ*   *с-кодт-он,*
я   еда   CMP   NEG   PV-делать-PST.1SG
уый   *тыххæй / уымаен*   */уымае гæсгæ*
тот   из_за   тот.DAT   тот.DAT согласно
Алан   *нæ*   *ба-хордт-а.*
Алан   NEG   PV-есть-PST.3SG
‘Алан не поел, потому что я не приготовила еду’.
- (2) Алан   *нæ*   *ба-хордт-а*   *уымаен æмæ / уый*
Алан   NEG   PV-есть-PST.3SG   тот.DAT   и   тот
тыххæй   *æмæ / уымае гæсгæ*   *æмæ*   *æз*
из_за   и   тот.ALL   согласно   и   я
нæ с-кодт-он   *хæринаг.*
NEG   PV-делать-PST.1SG   еда
Ibid.
- (3) *Уымаен*   *не*   *'рба-цъд-и,*
тот.DAT   NEG   PV-идти-PST.3SG
æмæ   *фæ-рынчин*   *ис.*
и   PV-больной   быть.PRS.3SG
‘Он потому не пришел, что заболел’.

Список сокращений

1 — первое лицо, 3 — третье лицо, ALL — аллатив, CMP — подчинительный маркер, DAT — датив, NEG — отрицание, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PV — преверб, SG — сингулярис.

Литература

- Выдрин А. П. *Причинные союзы в осетинском языке*. Рукопись.
- Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // *Вопросы языкознания*. 2019. №. 4. С. 7–32.
- Кулаев Н. Х. *Союзы в современном осетинском языке*. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. Изд-во, 1959.
- Пекелис О. Е. (2013) Иллокутивное употребление союзов. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. 2013. Режим доступа: http://rusgram.ru/Иллокутивное_употребление_союзов (дата обращения 27.08.2023).
- Belyaev O. (2015) Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar. *Journal of Linguistics*. Vol 51 (2). 267–326.
- Tsunoda T. (ed.). *Levels in Clause Linkage: A Crosslinguistic Survey*. Walter de Gruyter, 2018.

К ВОПРОСУ О ДР.-ИР. ОТНОСИТЕЛЬНОМ МЕСТОИМЕНИИ *УА- (И.-Е. *Ю-) И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИИ В КАЧЕСТВЕ КОННЕКТОРА /СОЮЗА /СОЮЗНОГО СЛОВА (НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ) В ТЕКСТАХ НА РАННЕАВЕСТИЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Софья Петровна Виноградова

ИЯз РАН, Москва

Др.-ир. относительное местоимение *уа- (и.-е. *ю-) в ряду других и.-е. местоименных лексем аналогичного свойства, их синтаксические свойства, а также история, исходная семантика и др. проанализированы во многих деталях в широком, индоевропейском, контексте К. Г. Красухиным [Красухин 2001].

Данный доклад посвящен древнеиранскому материалу. Здесь дается характеристика ареально-хронологического распределения соответствующих местоименных лексем. Конкретные попытки интерпретации их семантики «в свете моделей уровневого подхода» предпринимаются на примере авестийского языка. Относительно цельную картину такой интерпретации можно составить на основании текстов, близких по диалекту, месту, времени, жанру и т.п. их создания (ср. поздняя письменная фиксация текстов устной традиции). Для авестийского таковыми можно считать Гаты и Ясну 7-иглавую (Первые приписываются Заратуштре, вторая – близка им по языковым характеристикам и ее язык также относят к младоавестийскому диалекту). Для этого периода вполне допустимы параллели из древнеиндийской Ригведы. В качестве относительного местоимения в этих двух памятниках выступает лексема индоиран. *уа-.

Не рассматривая здесь весь перечень синтаксических контекстов, характерных для функционирования этой лексемы (включая авест. уа- как средство топиализации; как средство актуального членения

предложения; как союзное слово, вводящее сентенциальный актант со значением пропозиции в полипредикативной конструкции с модусными предикатами), остановимся на наиболее интересном для тематики данной конференции, наиболее выразительном (более-менее однозначно трактуемом) и наименее освещенном в литературе. *На – воспользуемся термином – препозитивной коррелятивной конструкции с анлаутным уа- ‘который’ в семантической роли субъекта (соотносимым с личным местоимением не третьего лица в косвенном падеже второй части полипредикативного выражения) и с отсутствием – на уровне формального синтаксиса – согласования между этим субъектом и предикатом этой коррелятивной конструкции, который представлен личной глагольной формой в конъюнктиве и который семантически можно характеризовать (по О. Н. Селиверстовой) как «предикат действия» с субъектом в качестве инициатора и имплицитно выраженным объектным актантом).* Вот один из примеров, где Субъект «который» соотносится с дативным актантом «мне» в целевой инфинитивной конструкции в У.28.2. Букв. перевод таков:

Который вас, о Мазда Ахура || (будет) обихаживать, с Доброй Мыслью,

Мне (=чтобы) дать (=были дарованы) || (=от) обоих миров (букв. *бытие* в дуалис ген.), плотского, также духовного,

Блага по Истине-Аше || которыми +сторонников можно поместить (в) удобство (=можно ублажить).

В следующей строфе того же текста У.28.3 инициальный субъект *уа- соотносится с энкл. «мои», в главной клаузе, где побудительная модальность выражена императивом («Который буду вас превозносить... На мои о помощи призывы придите!»).

В приведенных и многих других им подобных примерах авест. местоимение *уа- в номинативе ед. числа можно рассматривать как коннектор-каузатор/мотиватор и т. п. на иллокутивном уровне: Так как Q, {я молю,} P!

Литература

Беляев О. И. Кореферентность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? (на материале осетинского языка) // Н. Н. Казанский

- (отв. ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2011. Том. 7. №3. С. 261–269.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика*, 6. М.: ВИНТИ. 1975. С. 51–101.
- Красухин К. Г. Местоимение *Ю: Его генезис и функция // *Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2001. №1.
- Падучева Е. В. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. М.: Наука, 1985.
- Пекелис О. Е. *Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики*. Дисс. канд. филол. наук. МГУ, М., 2009.
- Geldner K. F. *Avesta, the Sacred Books of the Parsis*. Stuttgart, 1896, 1891 and 1896.
- Gonda J. The original character of the Indo-European relative pronoun *io- // J. Gonda. *Selected studies*. Leiden, 1975.
- Reichelt H. *Avestisches Elementarbuch. II-III*. Heidelberg, 1908.

ЗАВИСИМОСТЬ МЕЖДУ ПАРАМЕТРАМИ ВАРЬИРОВАНИЯ ПРИЧИННЫХ КЛАУЗ В ЯЗЫКАХ ЕВРОПЫ

Наталья Михайловна Заика

ИЛИ РАН/СпбГУ, Санкт-Петербург

В нашей работе анализируются причинные показатели в языках Европы и некоторые свойства клауз, вводимых ими.

В выборку входят показатели 30 языков Европы из базы [Zaika 2022], охарактеризованные по ряду семантических и морфосинтаксических свойств. В отдельных случаях была проведена дополнительная проверка на корпусных данных и с помощью элицитации, после чего несколько показателей, для которых в базе обнаруживались существенные для исследования лакуны, были исключены из рассмотрения. Для всех, кроме одного языка, было взято от 3 до 5 показателей, подавляющее большинство которых представляли союзы, однако в чувашском и баскском языке были зафиксированы и аффиксы. Всего было проанализировано 112 показателей. Для установления корреляции параметрам приписывались значения «0» или «1» (в сомнительных случаях данные вынужденно упрощались).

Среди семантических параметров варьирования анализировалась способность вводимых показателями клауз к иллокутивному употреблению (с императивной модальностью)¹ и в инферентивном значении (для упрощения проблема необходимости в таких конструкциях эксплицитного модального показателя игнорировалась). Все рассматриваемые показатели были способны употребляться в собственно-причинном значении.

Среди морфосинтаксических параметров нас интересовали способность причинной клаузы употребляться в препозиции и постпозиции, способность ее употребления с фокусными частицами со

---

¹ Поиск в корпусе и конструирование и элицитация примеров с вопросительной модальностью представляется более трудоемким.

значением типа ‘только’ и употребления с отрицанием, способность отвечать на вопрос со значением ‘Почему?..’¹. Многие критерии, релевантные для классификации причинных клауз, в частности для разграничения сочинения и подчинения (ср. [Пекелис 2015]) оказались слишком трудоемкими для проверки на материале большого количества языков и в связи с этим не анализировались. Не рассматривались и параметры, не характерные для всей выборки (ср. порядок слов в зависимой клаузе в некоторых германских языках или способность клаузы употребляться в клефтовых конструкциях в германских и романских языках).

В результате исследования была обнаружена значительная (0,74) корреляция между способностью употребляться в иллокутивной функции и инферентивно. Оба эти употребления являются несобственно-причинными: между двумя пропозициями имеется невербализованное промежуточное звено («я спрашиваю» или «я делаю вывод»), и не случайно многие показатели способны выполнять эти две функции одновременно. Однако в некоторых случаях союзы могут употребляться только в иллокутивной конструкции, но не инферентивно (албанский *se*) или наоборот, только инферентивно, но не иллокутивно (словацкий *pretože*) [Vocaj 2006, Zaika 2022]. В каждом языке имеется хотя бы один показатель, который, наряду с собственно-причинным, выражал бы иллокутивное и инферентивное значение, при этом чаще всего причинные показатели либо выражают только собственно-причинное значение, либо способны выражать все три рассмотренных значения.

Корреляция возможности употребления с фокусными частицами и с отрицанием является весьма высокой (0,94), отклонение от единицы может быть вызвано ошибками в трактовке материала. При этом корреляция между употреблением с фокусными частицами и способностью клаузы отвечать на вопрос ‘Почему?..’ была также высокой, но несколько ниже (0,73). Зафиксированы показатели, крайне редко употребляющиеся с ограничительными частицами, но способные вводить ответ на вопрос (ср. украинский *бо*). Интересным результатом исследования стало практически отсутствие корреляции между такими признаками подчинения, как возможность клаузы

---

¹ В некоторых языках этому значению соответствовал более чем один вопрос.

употребляться в препозиции и употребление с фокусными частицами. Что касается возможной связи синтаксических и семантических свойств, была обнаружена слабая отрицательная корреляция (-0,33) между способностью иллокутивного употребления и употреблением с фокусными частицами.

Таким образом, было выявлено, что по крайней мере некоторые значения рассмотренных параметров типологического варьирования, многие из которых связываются с сочинительными или подчинительными свойствами, коррелируют. После перепроверки и уточнения спорных случаев нашей следующей задачей может стать рассмотрение того, является ли выявленное распределение европейским паттерном, распределены ли исследуемые параметры иерархически и кластеризуются ли рассматриваемые показатели.

Литература

- Пекелис О. Е. Сочинение и подчинение // *Русская корпусная грамматика*. 2015. Режим доступа: http://rusgram.ru/Сочинение_и_подчинение (дата обращения 27.08.2023).
- Vocaj E. Quatre façons de traduire parce que. Analyse contrastive des connecteurs de cause en français et en albanais // *RELQ/QS JL*. 2006. Vol. I. № 2. P. 126–142.
- Zaika N. M. *Clausal Causal Markers in the Languages of Europe: A Database*. 2022.

ИЛЛОКУТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА ‘ДЕЛАТЬ’ → ‘ГОВОРИТЬ’

Анна Андреевна Зализняк

ИЯЗ РАН, Москва

Категории «говорить» и «делать» в жизни обычно бывают противопоставлены, ср. *Говорит одно, а делает другое; Судят не по словам, а по делам*, и т.п. Между тем, в ходе работы над проектом Базы данных семантических переходов в языках мира (www.datsemshift.ru) обнаружилось, что в языках разных семей имеется *семантический переход*, связывающий эти два значения (см. переход № 3680 to do → to speak). Сближение языковых значений ‘делать’ и ‘говорить’ обнаруживается также в сфере грамматикализации. Как отмечалось исследователями, в некоторых восточно-африканских языках морфемы со значением ‘делать’ и ‘говорить’ функционируют в свободном варьировании в качестве различных словообразовательных и словоизменительных элементов.

Своего рода реализацией семантического перехода ‘делать’ → ‘говорить’ на уровне дискурса является способность некоторых коннекторов выражать связи не только между двумя пропозициями, но и также и между пропозицией и речевым актом – ср. понятие риторического, или иллокутивного, употребления союза в [Иорданская 1988; Санников 2008: 56; Урысон 2011: 45-64; Пекелис 2018] и др., а также противопоставление логико-семантических отношений, устанавливаемых коннекторами на уровне пропозиций и на уровне речевых актов в [Inkova 2017]. Многие дискурсивные слова происходят из наречий, описывающих отношения между ситуациями действительности, напр. слово *кстати* может быть наречием (ср. *Ты пришел очень кстати*) и дискурсивным словом (см. его толкование в [Баранов, Добровольский 2018: 40]).

К числу дискурсивных слов, которые могут устанавливать отношения как на пропозициональном уровне, так и на уровне речевых актов, относится русская дискурсивная единица *раз* (*уж*) *на то пошло*. А именно, она имеет следующие два режима употребления:

- (1) Она маркирует связь между двумя пропозициями: указывает на то, что некоторое действие *W* является логическим продолжением или естественным следствием упомянутого ранее действия *V*;
- (2) Она маркирует связь между двумя высказываниями: указывает на то, что высказывание *W* спровоцировано предшествующим высказыванием (принадлежащим тому же самому или другому говорящему)

Назовем первый режим «пропозициональным», второй – «иллокутивным». В первом случае *пошло* соотносит с *ходом* событий, во втором – с *ходом* предшествующей мысли. При этом в обоих случаях имеется смысловой компонент, что если бы не имело место положение дел/высказывание *V*, то не было бы оснований производить действие/высказывание *W*.

В докладе анализируются примеры того и другого типа употребления единицы *раз/если* (*уж*) *на то пошло*.

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Кстати и некстати: к речевым практикам Достоевского // *Русский язык в научном освещении*. 2018. Том 35. № 1. С. 33-45.
- Иорданская Л. Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // *Russian Linguistics*. 1988. Том 12. № 3. С. 239–267.
- Пекелис О. Е. Иллокутивное употребление союзов: шкала иллокутивности и ее отражение в грамматике // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018»* Режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/media/4325/pekeli-soe.pdf> (дата обращения 27.08.2023).

- Санников В. З. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Урысон Е. В. *Опыт описания семантики союзов*. М., 2011.
- Inkova O. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione // *Studi di linguistica slava. Volume dedicato a Lucyna Gebert. A cura di Marina di Filippo e François Esvan*. 2017. P. 105-123.

КОННЕКТОРЫ С СЕМАНТИКОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Ольга Юрьевна Инькова

Женевский университет/ИПИ ФИЦ ИУ РАН, Москва

Доклад посвящен трем коннекторам, которые определяются словарями и грамматиками как выражающие значение одновременности: *между тем*, *тем временем* и *в то же время*; ср., например, [Бурцева 2002, Ефремова 2004]. Однако эти три коннектора обладают различными семантическими, синтаксическими и текстовыми свойствами.

Уже в своем временном значении три коннектора имеют свои особенности, и их мена не всегда представляется удачной; ср. (1)-(2):

(1) *Возвратясь с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения. Между тем стемнело; свечи у него не было, да и в голову не приходило ему зажечь.* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

а. *Возвратясь с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения. ^{OK}Тем временем стемнело; свечи у него не было, да и в голову не приходило ему зажечь.*

б. *Возвратясь с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения. ^{??}В то же время стемнело; свечи у него не было, да и в голову не приходило ему зажечь.*

(2) *Позднее над зрачком нарастает прозрачная пленка; она защищает его от попадания грязи и в то же время меняет его преломляющую способность.* [Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание – сила», 2003]

а. *Позднее над зрачком нарастает прозрачная пленка; она защищает его от попадания грязи ^{??}и между тем меняет его преломляющую способность.*

б. *Позднее над зрачком нарастает прозрачная пленка; она*

защищает его от попадания грязи ?? и тем временем меняет его преломляющую способность.

С другой стороны, набор значений, которые три коннектора развили из временного, также различен. Если для *тем временем* временное значение является единственным, то *между тем* и *в то же время* могут устанавливать также отношение «вопреки ожидаемому», а *между тем* – и сопоставительные отношения.

В докладе будут описаны:

- особенности временного значения трех коннекторов, принимая во внимание видовременные характеристики ситуаций, соединяемых коннекторами [Бондарко 1987, Храковский 2009];
  - виды синтаксических структур, которые они могут вводить и которые, по нашим наблюдениям [Инькова 2023], варьируются в зависимости от выражаемого коннектором логико-семантического отношения;
  - место коннектора во вводимом им фрагменте текста, которое, в свою очередь, демонстрирует зависимость от синтаксического типа фрагмента, вводимого коннектором;
  - возможность сочетания с сочинительными союзами *и*, *а* и *но*, а также лексический статус этих речевых реализаций (о термине см. [Инькова 2019а]); ср., например, (3)-(4), где *а* и *между тем* сохраняют, соответственно, свое сопоставительное и временное значения, и в (3) *между тем* можно заменить на *тем временем*, а в (4) и на *в то же время*, и (5), где такая мена невозможна, и *а между тем* должно рассматриваться как единая языковая единица.
- (3) *Капитанка бегала назад и вперед и не находила хозяина, а между тем становилось темно.* [А. П. Чехов. Рассказы (1885-1903)]
- (4) *Он смеялся и говорил, а сам между тем пугливо и подозрительно поглядывал на Соломона.* [А. П. Чехов. Степь (1888)]
- (5) *Все узнали, что приехала барыня, и что Капитоныч пустил ее, и что она теперь в детской, а между тем барин всегда в девятом часу сам заходит в детскую, и все понимали, что встреча супругов невозможна и что надо помешать ей.* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина]
- на основе классификации, предложенной в [Инькова 2019б] набор логико-семантических отношений, которые коннекторы могут

устанавливать, а также семантический уровень, на котором они могут устанавливаться

Материалом для исследования послужили аннотации (299 для *между тем*, 48 для *тем временем* и 210 для *в то же время*), сформированные в Надкорпусной базе данных коннекторов, позволяющей получать количественные данные по ряду функциональных характеристик коннекторов (синтаксическая структура, позиция и т.д.) на основе текстов французского и итальянского параллельных корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также данные основного корпуса НКРЯ.

Литература

- Бондарко А. В. *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград: Наука, 1987.
- Бурцева В. В. *Словарь наречий и служебных слов русского языка*. М.: Дрофа, 2002.
- Ефремова Т. Ф. *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. М.: Астрель-АСТ, 2004.
- Инькова О. Ю. (2019а). Структура коннекторов: лингвистические методы описания // О.Ю. Инькова (ред.). *Структура коннекторов и методы ее описания* М.: Торус Пресс. С. 5-47.
- Инькова О. Ю. (2019б). Логико-семантические отношения: проблемы классификации. // О.Ю. Инькова, Э. Манзотти. *Связность текста: меререологические логико-семантические отношения* М.: ЯСК. С. 11-98.
- Инькова О. Ю. Семантика *между тем* в свете корпусных данных // *Mediazioni- Rivista online di studi interdisciplinare su lingue e culture*. 2023. Vol. 36.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 27.08.2023).
- Храковский Б. С. *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак, 2009.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПЫ КОННЕКТОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА: БАЗА ДАННЫХ¹

Ирина Михайловна Кобозева^{1,2}, Наталья Вадимовна
Сердобольская^{2,3}, Анастасия Игоревна Крюкова^{1,2}, Диана
Альбертовна Пилюгина^{1,2}

¹МГУ, Москва; ²ИЯз РАН, Москва; ³ГИРЯ им. А.С. Пушкина,
Москва

Доклад представляет проект разработки базы данных коннекторов современного русского языка. Под коннекторами мы понимаем лексемы, сочетания и конструкции, способные соединять клаузы в полипредикативных структурах – т.е. союзы, прагматические маркеры, дискурсивные и модальные частицы, вводные слова и сочетания. Данные единицы нередко омонимичны на синхронном уровне (ср. рус. *пока*, *только*, *едва*) и переходят друг в друга в ходе грамматикатикализации и прагматикализации. Настоящий проект ставит целью инвентаризацию таких единиц с учетом их синтаксических свойств, что позволит определить границы каждого лексического класса. В отличие от Надкорпусной базы данных коннекторов [Зацман, Инькова, Кружков, Попкова 2016], в которую включаются все варианты, встретившиеся в корпусе (т. н. речевые реализации), наша база не включает относительно свободные сочетания двух или более простых коннекторов (напр., *и поэтому*, *но все же*, *не только ...*, *а еще и* и т.п.).

Первичный инвентарь коннекторов составлен на основе грамматики [Шведова 1980] и словарей [Ушаков 1940; МАС; Морковкин 2003; Шимчук, Щур 1999; Ефремова 2004; БТС]. Кроме непосредственно союзов, внесены те единицы, которые могут соединять клаузы в полипредикации (а также, при парцелляции, в

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-18-00528.

соседних предложениях). Например, *правда* заносится в базу только в употреблении (1а), но не (1б) и (1в). Отбор релевантных употреблений производился вручную. Следует учитывать, что коннекторное употребление может быть зафиксировано в словаре в качестве непервого значения или вообще не зафиксировано. В силу этого, кроме служебных частей речи, просматривались словарные статьи существительных, глаголов, наречий.

Все единицы в базе размечались в соответствии со списком семантических зон, характеризующих отношения между клаузами, с опорой на классификации [Шведова 1980; Кибрик, Подлеская 2009; Инькова 2019], типологические работы [Thompson, Longacre 1985; Kortmann 2012; Tsunoda 2018], список риторических отношений [Mann, Thompson 1988].

На первый взгляд, инвентарь коннекторов и список семантических отношений для русского языка более или менее фиксирован и может уточняться только в плане большей детализации некоторых подзначений. Однако попытка расклассифицировать все найденные единицы дает нетривиальные результаты. Во-первых, становится ясно, что большинство коннекторов не могут характеризоваться каким-либо общепризнанным термином, в силу различной трактовки в словарях. Напр. сочетание *в том числе* в словаре [Ефремова 2004] характеризуется как союз, в АГ как «вводное сочетание», в БТС вообще не получает специальной частеречной характеристики, а представлено в зоне идиоматических сочетаний в терминах «в значении союза».

Во-вторых, список семантических отношений (время, причина, условие и др.) при попытке применить его к выделенным в словарях единицам оказывается недостаточным. С одной стороны, приходится выделять новые семантические зоны – напр., определены зоны «верификация» (*и правда, действительно*), «композиция текста» (в т.ч. маркеры смены топики и под. *относительно того что, что касается*).

С другой стороны, семантика некоторых коннекторов не может быть описана в рамках одной семантической зоны и даже не может быть охарактеризована как полисемия. Это случаи, когда один и тот же коннектор в одном и том же предложении совмещает значения, принадлежащие к различным зонам. Например, *в то же время* обычно имеет временное и противительное значения. Коннектор *в знак того*

что описывает цель и в то же время семиотическое отношение: *чтобы показать, что намерен...* Более сложный случай представляют коннекторы, описывающие сценарий, включающий несколько ситуаций. Двухместный коннектор *ладно бы ..., а то* связывает три ситуации — «Р; ладно бы Q, а то R», где Р обозначает реальную ситуацию, Q — гипотетическую ситуацию, конкретизирующую Р (зона мереологии), а R — реальную ситуацию, конкретизирующую Р и противоположную по отношению к Q (зона адверсативности).

Примеры

- (1) а. (коннектор) *Пошёл дождь, правда небольшой.*
б. (сущ.) *Правда всегда одна.*
в. (слово-предложение) *Ты придешь, правда?; Женишься? – Истинная правда.*
- (2) *Я усаживаюсь рядом с бабушкой в знак того, что намерен долго его слушать.*

Литература

- БТС: Кузнецов С. А. (ред.). *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1998.
- Ефремова Т. Ф. *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. М., Астрель-АСТ, 2004.
- Зацман И. М., Инькова О. Ю., Кружков М. Г., Попкова Н. А. Представление кроссязыковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных // *Информатика и ее применения*. 2016. Том 10. № 1.
- Инькова О. Ю. (ред.) *Структура коннекторов и методы ее описания*. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2019.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. *Рассказы о свидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур, 2009.
- МАС: *Словарь русского языка: В 4-х т / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984.

- Морковкин В. В. (ред.). *Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц.* М.: Астрель-АСТ, 2003.
- Ушаков Д. Н. *Толковый словарь русского языка.* 1935-1940.
- Шимчук Э. Г., Щур М. Г. *Словарь русских частиц.* Франкфурт на Майне: Peterlang, 1999.
- Kortmann В. *Adverbial Subordination: A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages.* Walter de Gruyter, 2012.
- Mann W. C., Thompson, S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. // *Text.* 1988. Vol. 8. № 3. P. 243-281.
- Thompson S. A., Longacre R. E. Adverbial clauses // Т. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Complex constructions.* 1985. Vol. 2: Cambridge: CUP.
- Tsunoda T. (ed.). *Levels in Clause Linkage: A Crosslinguistic Survey.* Walter de Gruyter, 2018.

МЕТАТЕКСТОВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ КОННЕКТОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Крюкова Анастасия Игоревна

МГУ/ИЯз РАН, Москва

В нашем докладе мы обсудим различные коннекторы русского языка с точки зрения наличия или отсутствия у них возможности вводить метатекстовый комментарий (впервые метатекстовый уровень как сфера употребления коннекторов введен в [Инькова 2019]). Мы рассмотрим семантические, прагматические и прочие факторы, блокирующие такую возможность.

Коннектор мы вслед за [Инькова-Манзотти 2001: 17] определяем как языковую единицу, функция которой состоит в выражении логико-семантических отношений (ЛСО) между двумя соединенными с ее помощью пропозициями. Понятие метатекста как комментария к тексту / речевой рефлексии было введено в обиход Анной Вежбицкой [Вежбицка 1978], на настоящий момент включает в себя огромное количество совершенно различных интерпретаций. Мы сконцентрируемся на двух функциях метатекстовых высказываний: организации дискурса (см. (1а), по сути, установление ЛСО на уровне текста) и комментария по поводу языковой формы и предполагаемой интерпретации клаузы, к которой относится (см. (1б); установление ЛСО выше уровня текста с апелляцией к языковому опыту вне его).

(1а) **Как я говорил**, директор не очень интересовался животными, а ветлечебницу за всю мою практику посетил раз или два. [С. Ю. Бакатов. Сафрон (Записки ветеринарного врача) // «Наука и жизнь», 2009]

(1б) До этого ты лишь одолжил мне его взаймы, **если это можно назвать займом**. [Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец (1954)]

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации»)

Отметим, что метатекстовые комментарии встречаются не только в разносубъектных клаузах, соединенных коннектором [Перфильева 2006; 86—116]. Случаи, где такой комментарий дан в отдельном предложении (2) или отделен знаками обособления (3), выходят за рамки данного исследования.

(2) *Народу в зале больше, чем мест. Это не фигура речи.* [Газета «Спорт-экспресс». 2005. №. 88]

(3) *Скобелев по долгу и по-товарищески (я нарочно подчеркиваю это слово) разговаривал с солдатами, и едва ли где-нибудь была так сильна власть офицеров, так строга дисциплина, как у него...* [В. И. Немирович-Данченко. Скобелев (1882)]

665 коннекторов русского языка из нашей базы данных, собранной из материала ряда словарей, распределены по 19 семантическим зонам и 40 подзонам (один и тот же коннектор может быть представлен в нескольких лексико-семантических вариантах). Для каждой подзоны был выбран один коннектор, на примере которого мы демонстрируем сочетаемость с метатекстовым комментарием.

В таблице 1 приведен список семантических зон и способность коннекторов этой зоны к метатекстовому употреблению в двух описанных выше значениях. В скобках указано распределение по подзонам (например, помета «+ (3+/1-)» значит, что из четырех подзон зоны Дизъюнкция три подзоны допускают такое употребление, а одна нет, поэтому в целом можно утверждать, что коннекторы этой зоны могут использоваться для выражения связей внутри текста).

Семантическая зона	Связи внутри текста	Комментарий к языковой форме
Конъюнкция	+ (3+/1-)	? (2+/2-)
Дизъюнкция	- (1-)	- (1-)
Адверсативность	+ (2+)	+ (2+)
Таксис	+ (4+)	+ (4+)
Цель	+ (1+)	+ (1+)
Причина	+ (3+)	+ (3+)
Условие	+ (3+)	- (2-/1+)
Следствие	+ (3+/1-)	- (4-)

Заместительные отношения	- (1-)	+ (1+)
Сравнение	- (3-)	- (3-)
Степень	+ (2+)	- (2-)
Средство	+ (1+)	- (1-)
Пропозициональная установка	- (5-)	- (5-)
Мереология	+ (4+/1-)	- (5-)
Переформулирование	+ (1+)	+ (1+)
Источник информации	+ (1+)	+ (1+)
Композиция текста	+ (5+)	- (5-)
Верификация	- (1-)	+ (1+)
Автокоррекция	+ (1+)	+ (1+)

Таблица 1. Сочетаемость коннекторов разных семантических зон с метатекстовым комментарием

Что может помешать коннектору иметь метатекстовое употребление? Некоторые семантические зоны по своей сути предполагают, что соединяют единицы одного семантического уровня (соединение, аддитивность и пр.), что не сочетается с метатекстовым комментарием. Еще одна причина – семантические ограничения, налагаемые на содержимое зависимой клаузы (в подзоне «событие» коннектор может вводить только ситуации). С другой стороны, ряд семантических зон изначально имеют преимущественно «метатекстовое» значение (композиция текста, переформулирование и др.).

Укажем также, что большее количество коннекторов может использоваться для организации текста, чем для комментария о языковой форме. В докладе мы обсудим возможные причины этого явления, а также подробно прокомментируем данные таблицы 1.

Литература

Вежбица А. Метатекст в тексте. // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1978. № 8. С. 402—421.

- Перфильева Н. П. *Метатекст в аспекте текстовых категорий*. Новосибирск, 2006.
- Инькова-Манзотти О. Ю. *Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование)*. М.: Информэлектро, 2001.
- Инькова О.Ю. Логико-семантические отношения: проблемы классификации. // О.Ю. Инькова, Э. Манзотти. *Связность текста: мерологические логико-семантические отношения* М.: ЯСК. С. 11-98.

ТИПЫ УПОТРЕБЛЕНИЙ КОННЕКТОРА *ТАК* В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ И ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Галина Ивановна Кустова

ИРЯ РАН, Москва

Так в русском языке выступает в разных ипостасях и разных функциях (местоимение, частица, союзное средство (коннектор), коррелят – часть двухместных коннекторов типа *если... так*, о коррелятах см., например, [Пекелис 2018]). Типичное значение коннектора *так* можно назвать имплицативным (Q – следствие ситуации / пропозиции P):

(1) — *А у меня, вот, знаете ли, мать болеет, так приходится работу на дом брать* [В. А. Мухарьямов. Брагины // «Волга», 2009] – ‘P (мать болеет), поэтому Q (беру работу на дом)’.

Поскольку значения обусловленности (причинно-следственные, условно-следственные, логического вывода и т.п.) по своей природе «двучленные» (предполагают связь между двумя фактами, двумя событиями, двумя пропозициями), *так* естественным образом употребляется в качестве коррелята в так называемых двойных союзах – наряду с коррелятом *то*: *если... то / если... так; когда... то / когда... так; поскольку... то / поскольку... так* – в причинно-следственных и условно-следственных конструкциях. Такая двучленная форма наиболее эксплицитно репрезентирует отношения обусловленности.

При этом *так* отличается от *то*, в частности, тем, что может выражать имплицативные значения самостоятельно: *Если помирать, так с музыкой – Помирать – так с музыкой. VS. Если помирать, то с музыкой – *Помирать – то с музыкой*. Кроме того, *так*, в отличие от нейтрально-литературного *то*, относится к разговорному регистру. Поэтому естественно, что *так* используется не только в монологической речи (например, устном рассказе или его имитации в художественном тексте), но и в диалогической речи, что важно для нашей темы.

В классификации О. Иньковой [Инькова, Манзотти 2019: 64–65] логико-семантические отношения (ЛСО), в том числе интересующие нас отношения обусловленности, предлагается рассматривать на трех уровнях – пропозициональном, уровне высказывания и метаязыковом. Соответственно, коннекторы, обслуживающие различные ЛСО (в том числе, обусловленности), могут иметь один или несколько типов употреблений.

У союзов с *так* выделяются как минимум два типа употреблений:

(а) пропозициональный уровень:

(2) *Да на моего если начинать давить [P], так сразу забывает, что любит [Q]* [Наши дети: (форум) (2005)] – связь между пропозициями (ситуациями): Q – следствие (результат) P;

(б) уровень высказывания (в другой терминологии – иллокутивное употребление союза [Иорданская 1988, Падучева 1985, Санников 2008]):

(3) — *А если писать будете, так там наверху стол...* [Николай Климонтович. Парадокс о европейце // «Октябрь», 2013] – такие конструкции рассматриваются в литературе как результат эллипсиса (компрессии): ‘если хотите писать, имейте в виду, что наверху стол’.

Аналогичные употребления есть у одиночного коннектора *так* (примеры см. ниже).

Предложенная в [Инькова, Манзотти 2019: 60–61] классификация типов ЛСО и уровней их анализа «предназначена в первую очередь для анализа монологического текста», однако выделяемые ЛСО и уровни анализа применимы также к репликам диалога. В нашем докладе основное внимание уделяется именно «диалогическим употреблениям» коннектора *так*, которые обычно остаются в тени.

Итак, мы исходим из того, что и в монологе (4), и в диалоге (5) *так* выступает не только как маркер определенных ЛСО, но и как маркер компрессии некоторой исходной структуры. Эта исходная структура (логическая цепочка) должна быть восстановлена, реконструирована:

(4) *Было ясно, что после этого разговора мы расстанемся, так зачем начинать что-то доказывать* [«Даша», 2004] – ‘Если мы расстанемся, так незачем начинать...’.

- (5) — *Значит, есть климат-контроль, — опять вздыхает он [гаишник] и произносит вдруг очень решительно: — А у меня-то нет! Я достаю сто рублей и протягиваю ему. — Ну, так купите, — говорю* [«Автопилот», 2002.01.15] – ‘Если у вас нет климат-контроля (P), так купите (Q)’, пропозиция P извлекается из речи собеседника.

«Диалогические» употребления *так*, как и «монологические», достаточно разнообразны. Это связано, в частности, с иллокутивными типами ответных реплик (приводимый ниже список – разумеется, неполный). Первый тип – императивный, как в (5), ср. также:

- (6) — *Душно здесь. — Так открой форточку.*

Второй – «обвинительный» (осуждение, упрек, претензия):

- (7) — *Боюсь, мы не успеем на этот автобус. — Так надо было раньше выходить / Так что ж ты так долго возишься!* – ‘Если ты хочешь успеть на автобус, нужно раньше выходить’.

Третий – вопросительный:

- (8) *Такую бумагу составить можно. И тогда я смогу забрать вас с собой. Снимем для вас квартиру. /.../ Я поворачиваюсь к нему и говорю — так ты хочешь, чтобы мы поехали с тобой в Москву? [Q] А он говорит — ну, да. Только надо сначала подписать эту бумагу* [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]

В (8) *так* репрезентирует вывод (умозаключение), но протазис P извлекается из реплики собеседника: ‘Если ты планируешь составить бумагу и снять для нас квартиру [P], значит, ты хочешь, чтобы мы поехали с тобой в Москву? [Q]’

Строго говоря, *так* может маркировать более сложную логическую цепочку, чем двучленная конструкция *если... то*, но мы ограничиваемся минимальной реконструкцией.

Во всех приведенных примерах прослеживается именно имплицативное (следственное) значение *так*. Однако есть еще один – парадоксальный – тип употребления *так*:

- (9) — *А где Петя? — Так он еще вчера уехал.* [P]

Во-первых, *так* выражает здесь значение, противоположное основному значению следствия, – значение причины, а вся реплика может служить ответом на *почему*-вопрос:

- (9а) — *Почему Пети нет? — Так он еще вчера уехал.* [P]

Во-вторых, данное употребление *так* обслуживает оба уровня – и пропозициональный, и иллокутивный. На уровне связи пропозиций *так* вводит причину: ‘Петя отсутствует [R], потому что он вчера уехал’ [P]. На уровне высказывания *так* является реакцией на реплику собеседника: это опровержение ошибочного предположения, ошибочного ожидания А (‘ожидалось, что Петя будет’), которое выводится из реплики *Где Петя?*: ‘Твое ожидание / предположение А (‘Петя будет’) ошибочно: в реальности имеет место R (‘Пети нет’), потому что Q (‘Он уехал’)’. *Так* вводит новое знание, неожиданное для собеседника, противоречащее его ожиданиям (здесь мы снова сталкиваемся с тем, что коннектор подразумевает сложную цепочку пропозиций, не сводимую к двучленным отношениям).

Интересно, что в [Инькова, Манзотти 2019: 193] по поводу следственного значения *так* отмечается, что *так*, «в отличие от русск. *значит, тогда, следовательно* /.../, представляет вводимое следствие не как результат рассуждения, умозаключения, а как нечто естественное, очевидное (ср. /.../: *Машины в гараже нет. Значит / Следовательно / *Так* (,) *она еще не вернулась*)». Сохраняется ли эта естественность и очевидность у причинного *так*, которое вводит информацию, противоречащую ожиданиям собеседника? Парадоксальным образом, сохраняется – в (9) совмещаются оба значения (неожиданности и естественности): ситуация R является неожиданной для собеседника, но говорящему известно, что R, и связь между Q и R естественна для говорящего (‘Разумеется / конечно / естественно, Пети нет, потому что он уехал’).

Литература

- Инькова О., Манзотти Э. *Связность текста: мерезологические логико-семантические отношения*. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Иорданская Л. Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // *Russian Linguistics*. 1988. Том 12. № 3. С. 239–267.
- Падучева Е. В. *Высказывание и его соотношенность с действительностью*. М.: Наука, 1985.

Пекелис О. Е. Эллипсис подлежащего главной клаузы в русском языке и его связь с типологией коррелятов // *Вопросы языкознания*. 2018. № 6. С. 31–59.

Санников В. З. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. М.: ЯСК, 2008.

НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОДЧИНТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Александр Борисович Летучий

НИУ ВШЭ/ИРЯ РАН, Москва

Доклад посвящён функционированию сложных предложений – конкретнее, конструкций с сентенциальными актантами – в случаях, когда они отличаются от стандартного подчинения одной клаузы другой. Я покажу, что некоторые типичные для конструкций с СА свойства в нестандартных конструкциях (ниже также НК) отсутствуют или ослаблены. НК могут отличаться от стандартных, например, следующим:

- отсутствует маркер подчинения;
- семантически главная и семантически зависимая клауза находятся в разных предложениях или отделены друг от друга интонационно.

Иногда НК возникают просто при немаркированном подчинении, а иногда являются результатом выделения или другого процесса. Приведём примеры таких конструкций:

Бессоюзные конструкции: *Я знаю, ты ездил в Китай* (см. [Сердобольская 2017]);

Конструкции с *одно*: *Я чувствовал одно: меня собираются убить* [Летучий 2016];

Выделительные конструкции с *вот что* и др.: *Я вот что думаю – нас просто обманули*;

Немаркированные ответы: - *И что ты думаешь? – Надо отсюда бежать* – семантически части связаны, есть матричный глагол *думать*, но ответ на вопрос находится в следующем предложении.

Цель доклада – выяснить, в какой мере нестандартные конструкции сохраняют свойства, которые в русском языке обычно имеют сентенциальные актанты.

1. Бессоюзные конструкции и некоторые другие плохо допускают отрицание.

Конструкции с *одно* без союза, особенно если после *одно* следует финитная клауза, обычно не допускают отрицания в главной клаузе:

(1) *Я твердо **уверен** в одном: сбылись пророческие слова дяди Миши...*
[Л. Кислинская. Не верь, не бойся, не проси (2003) // «Совершенно секретно»]

(2) **Я не **уверен** в одном: сбылись пророческие слова дяди Миши.*
Бессоюзные конструкции (Сердобольская 2017) тоже плохо сочетаются с отрицанием:

(3) *Я **думаю**, он сделал это нарочно.*

(4) **Я не **думаю**, он сделал это нарочно.*

2. Некоторые НК ограничены по сочетаемости с матричными предикатами, в большей мере, чем конструкции с союзом *что*. Для бессоюзных конструкций сомнительны глаголы эмоций, для немаркированных ответов – глаголы мнения.

(5) *Меня **расстроило**, что французы проиграли.*

(6) *??Меня **расстроило**: французы проиграли.*

(7) *?- А **что** он **думает**? – Если бы я не ленилась, меня кто-нибудь бы взял в жёны.*

Тем не менее, ограничения имеют разную строгость – например, глагол мнения при ответах допустим, если конструкция является частью косвенного вопроса:

(8) *... я **знаю**, что он **думает**: если бы я не ленилась и научилась готовить мясной рулет, ..., возможно, меня кто-нибудь бы и взял в жёны.* (URL: loveread.club/books/sovremennaya-proza/page-13-38720-mihal-viveg-igra-na-vyilet.html)

3. Во многих конструкциях затруднено относительное маркирование времени, типичное для русских сентенциальных актантов, но для других оно нормально.

Бессоюзные конструкции, конструкции с *одно*: относительное маркирование нормально:

(9) *Он **знал** / **знал одно**: к нему здесь все относятся хорошо.*

Немаркированные ответы: относительное маркирование крайне сомнительно:

- (10) – *И что ты тогда о нём узнал? – Он живёт в Москве* (нормально, только если он живёт в Москве и тогда, когда произносится этот диалог).

Конструкции с вот что: относительное маркирование практически не встречается, хотя, возможно, допустимо:

- (11) *Петя тогда вот что понял: никто ему не желает зла.* (примеры типа (11) обычно допускают две трактовки формы типа *желает* – относительную и абсолютную)

4. Опущение субъекта в НК запрещено или сомнительно. Это характерно для всех НК и отличает их от стандартных зависимых клауз.

- (12) ??*Полина поняла: опаздывает на поезд.*

- (13) ??*И вот что он понял: не может прийти* (ср. *Он понял, что не может прийти*).

- (14) **Серёжа боялся одного: не сможет приехать.*

Заключение

Рассмотренный материал показывает, что синтаксическое устройство конструкций, отличных от стандартных сложных предложений, неоднородно. Если по какой-то причине выбирается конструкция, отличающаяся от стандартной, её свойства могут быть разными. Мы покажем, что это связано с тем, что для разных НК различна степень автономности составляющих: структурной, дискурсивной и интонационной.

Несмотря на все отличия НК от стандартного подчинения, для них нельзя говорить и об *insubordination* (употреблении стандартно зависимых типов клауз в качестве независимых) описанном в работах [Калинина 2001] и [Evans, Watanabe (eds.) 2016]. При инсубординации предельной точкой процесса часто является полная независимость клаузы. В НК вторая клауза хотя бы отчасти подчинена первой, и это подчинение не является только семантическим конструктом.

Есть аргументы за то, чтобы рассматривать вторую часть НК как подчинённую. Первый заключается в том, что синтаксический тип второй части ограничен. Запрещены или нежелательны прямые вопросы, возможные в независимых предложениях.

- (15) [?]*Он не понимал одного: они поедут в Ашхабад?*
(при полностью приемлемом *поедут ли они в Ашхабад*, косвенный вопрос).
- (16) [?]*Вот что он хотел знать: мы придём к нему в гости?*
- Второй аргумент состоит в том, что рассматриваемые конструкции допускают индифферентность говорящего относительно верности зависимой пропозиции. Все они способны обозначать, что вторая часть – это лишь содержание речевого или мыслительного акта (выраженного в первой части), но говорящий не обязательно считает его верным (как и в стандартных конструкциях типа (17)):
- (17) *Петя сказал, что Вася уезжает в Норвегию.*
- (18) — *Что он тебе сказал?* — *Он хочет со мной дружить.* (URL: <https://ficbook.net/readfic/6626887/16956893>)
- (19) = (8) ... *я знаю, что он думает: если бы я не ленилась и научилась готовить мясной рулет, ... возможно, меня кто-нибудь бы и взял в жены.*

Ещё один вывод заключается в следующем: межклаузные процессы, типичные для сложного предложения, распадаются на несколько классов по тому, какие типы конструкций допускают. Так, опущение субъекта обычно требует стандартной конструкции, с маркированием подчинения и контактным расположением клауз и блокируется в НК. Напротив, относительное время не допускает только границы предложения, поэтому крайне сомнительно при немаркированных ответах.

Литература

- Калинина Е. Ю. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. М.: ИМЛИ РАН, 2001.
- Летучий А. Б. Всё об одном: об одной конструкции с сентенциальными актантами в русском языке // Герасимов Д.В. (ред.) *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2016. Том 12. № 1. С. 113-123.
- Сердобольская Н. В. Бессоюзные конструкции с сентенциальными актантами с глаголом *думать* в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2017. Том 5. С. 7-35.
- Evans N., Watanabe H. (eds.). *Insubordination*. Amsterdam: John Benjamins, 2016.

ЭВОЛЮЦИЯ ВРЕМЕННОГО СОЮЗА КАК ПОСЛЕ XVIII В.: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ¹

Ольга Евгеньевна Пекелис

РГГУ, Москва

Союз *как* во временном значении исследовался в диахроническом [Лавров 1941: 96 ff.] и др. и синхронном ракурсах [Кобозева, Инькова 2018], однако его микродиахроническая эволюция подробно не изучалась. Известно лишь, что в языке XIX в. временной *как* использовался шире, чем сегодня, а к устаревшим употреблениям относится в первую очередь употребление в значении неполной одновременности однократных ситуаций (1) [Виноградов, Шведова 1964: 148-149; Кобозева, Инькова 2018: 233].²

(1) *Как я к тебе ехал, так знаешь ли, кого обогнал?..* [М. Н. Загоскин. Русские в начале восемнадцатого столетия (1848)]

Настоящее исследование ставит целью описать устаревшие контексты более последовательно и интерпретировать эволюцию временного *как* с учетом типологических данных об адвербиальных клаузах. Материал Национального корпуса русского языка обнаруживает следующие отличия современных употреблений временного *как* от *как* в языке XVIII-XIX вв.

- Употребление современного *как* затруднено в том случае, если клауза с *как* постпозитивна и имеет коммуникативный статус ремы, при этом и зависимая, и главная ситуации локализованы в прошлом. Ср. контрастные примеры в (2)-(5).³ В (3), где перечисленные условия соблюдены, *как* кажется неуместным. Напротив, в (2), где обе ситуации локализованы в будущем, а также в (4) и (5), где зависимая клауза

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ №22-18-00120.

²Примеры с указанием источника заимствованы в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru).

³ Символами «/» и «\» обозначены, соответственно, восходящий акцент, ассоциируемый с темой, и нисходящий акцент, ассоциируемый с ремой.

препозитивна, допустимо употребить *как*. Заметим, что союз *когда* можно использовать во всех этих случаях, включая (3).

(2) *Короче, позвонишь/, как (OKкогда) прочухаешься!*. [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]

(3) <–*Когда же он позвонил?*> – *Позвонил/, OKкогда (?как) прочухался!*.

(4) *Как (OKкогда) прочухался/, позвонил!*.

(5) *Как (OKкогда) прочухаешься/, позвонишь!*.

В языке XVIII–XIX вв., между тем, временной *как* мог использоваться и в конфигурации типа (3). Ср. (6), где клауза с *как* постпозитивна и вводит новую информацию (рему):

(6) *Иван-купеческий сын снял с руки перстень и подает старику, но еще больше прежнего удивился, как увидел, что старика нет.* [Сказка пятая о Иване-купеческом сыне (1787)]

• В современном языке, в отличие от языка XVIII–XIX вв., использовать временной *как* невозможно при некоторых соотносительных наречиях (например, *тогда*) в составе главной клаузы. В (7) сегодняшняя норма требует использовать союз *когда*. Для сравнения в (8), где *тогда* нет, сегодня можно использовать и *когда*, и *как*.

(7) *Печь нагревается и нагревает не в то время, когда топится, а тогда, как закроют трубу.* [Н. А. Бестужев. Письмо И. И. Свиязеву (1851)]

(8) *Как закроют трубу, печь нагревается.*

• В отличие от *когда*, временной *как* в современном языке не сочетается с контрастивными частицами *только*, *именно*, *как раз* и под. Сочетания с *как раз*, однако, встречаются в текстах конца XIX – первой половины XX вв.; сегодня в (9) и (10) следовало бы употребить *когда*.

(9) *Как раз, как тебе проснуться, поспеет.* [Н. Н. Алексеев. Заморский выходец (1900)]

(10) *Тогда я взял себя в руки и решил только с прицелу стрелять и как раз как решил вылетел дупель.* [М. М. Пришвин. Дневники (1927)]

Наша гипотеза состоит в том, что сдвиги в употреблении временного *как* после XVIIIв. отражают изменение его статуса в терминах степени интеграции: от союза, вводящего тесно интегрированные клаузы, к союзу с низкой степенью интеграции. В типологической литературе принято выделять три типа адвербиальных

клауз, различающихся степенью интеграции: наиболее тесно интегрированные центральные клаузы (*central adverbial clauses*), периферийные клаузы (*peripheral adverbial clauses*) и неинтегрированные клаузы (*non-integrated adverbial clauses*), обладающие наименьшей степенью интеграции ([Frey 2016; Badan, Haegeman 2022] и др.). В докладе будет показано, что перечисленные отличия современного *как* от *как* в языке XVIII-XIX вв. получают объяснение, если допустить, что в XVIII-XIX вв. *как* мог вводить центральные клаузы, тогда как сегодня степень интеграции вводимых *как* клауз соответствует промежуточным или даже неинтегрированным клаузам. Дополнительным доводом в пользу последней интерпретации служит тот факт, что современный *как* разрешает употребления, близкие к иллокутивным, как в (11) [Кобозева, Инькова 2018: 234]: способность к иллокутивному употреблению признается свойством неинтегрированных клауз [Frey 2016]. Заметим, что союз *когда* в контексте (11) неуместен.

(11) *Как (?когда) войдете, ейная квартира слева, прямо тут.* [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]

Обычно считается, что временные клаузы ассоциируются с высокой степенью интеграции – более высокой, чем, например, причинные или сопоставительные [Haegeman 2004; Badan, Haegeman 2022]. Предполагаемая эволюция временного союза *как* требует пересмотреть эту точку зрения и ставит вопрос о типологических параллелях – слабо интегрированных временных клаузах в других языках.

Литература

- Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века.* М.: «Наука», 1964.
- Кобозева И. М., Инькова О. Ю. *Как* и его двухместные варианты // О.Ю. Инькова (ред.) *Семантика коннекторов: контрастивное исследование.* М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. С. 168-239.
- Лавров Б. В. *Условные и уступительные предложения в древнерусском языке.* М.: «Наука», 1941.

- Badan L., Haegeman L. The syntax of peripheral adverbial clauses // *Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 58. №4. P. 697-738.
- Frey W. On some correlations between formal and interpretative properties of causal clauses // I. Reich, A. Speyer (eds.) *Co- and subordination in German and other languages: Special issue of Linguistische Berichte*. 2016. Vol. 21 P. 153–179.
- Haegeman L. The syntax of adverbial clauses and its consequences for topicalization // M. Coene, G. De Cuypere, Y. D'Hulst (eds.) *Antwerp Papers in Linguistics. Current Studies in Comparative Romance Linguistics*. 2004. Vol. 107, P. 61-90.

ИЛЛОКУТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ УСЛОВНЫХ СОЮЗОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Анна Абрамовна Пичхадзе

ИРЯ РАН, Москва

В древнерусской письменности иллокутивное употребление условных союзов фиксируется прежде всего в диалогах древнерусских летописей. При этом иллокутивное употребление союзов причины в летописях не отмечено.

При иллокутивном употреблении в условном периоде можно усматривать имплицитный предикат речи (*сказать, заявить* и т. п., как в (1)) или мысли – в последнем случае в модальности долженствования (*нужно иметь в виду / учитывать / понимать*, как в (2)), причем различие между ними нередко нейтрализуется, как в (6).

Семантика иллокутивных условных периодов в летописях достаточно разнообразна и отражает разные коммуникативные задачи, стоящие перед говорящим. Говорящий использует иллокутивную конструкцию, делая заявление о ситуации, возникающей при осуществлении условия, которое названо в условном придаточном:

(1) (1147) *ты е(с) намъ хр(с)тъ цѣловаль ако ти пойти с нами изяслава. се же еси не пошелъ <...> ны(н) же вже хочещи. пойти на изяслава. а поиди а мы с тобою. не идеши ли а мы есмь въ хр(с)тъномъ цѣлованьи прави. а не можемъ мы вдини ратью погыбати* ‘Ты нам целовал крест, что тебе идти с нами на Изяслава. Но вот ты не пошел <...> А теперь, если хочешь пойти на Изяслава, то поиди, и мы с тобой. Если же не пойдешь, мы [заявляем, что] соблюдаем крестоцелование: мы не можем одни [без тебя] погигать на войне’ Киевская летопись 132г29 - 133а12.

При потенциальном значении условного придаточного, имеющего референцию к настоящему или будущему, как в (1), в главной предикации говорящий может выдвигать контраргументы

против выполнения условия, о котором идет речь, предостерегая, как в (2), или угрожая, как в (3):

(2) (1150) *се володимеръ по на(с) идетъ. а мы сде стоимы <...> пакы ли хочемъ сде перестояти. а се володимеръ за нами* ‘Вот Владимир идет за нами, а мы стоим здесь <...> Если же мы хотим здесь стоять какое-то время, то [нужно иметь в виду, что] Владимир за нами’ Киевская летопись 150615-23;

(3) (1259) *ажѣ не иметеса по число. то оуже полкы на низовьскоі земли* ‘Если не согласитесь с дань, то [имейте в виду, что] полки уже на Низовской земле’ Новгородская I летопись 134.

В летописном дискурсе при иллокутивном употреблении в главной предикации условного периода, как правило, выдвигаются возражения против презумпции, высказанной в придаточном, и предлагается альтернативная точка зрения:

(4) (1178) *аще нынѣ оумремъ. оумрем же всако* ‘Если мы сейчас умрем, то ведь мы умрем в любом случае’ Киевская летопись 215625-26.

Явное противоречие между презумпцией адресата и говорящего может использоваться для насмешки над адресатом (императив выражает в следующем примере модальность долженствования):

(5) (1251) *лѣно есть съдѣти намъ. аще ли жалоуете насъ. то прежде себе жалоуйте. и бещестья своего. нашими бо головами сдержати. ч(с)ть свою* ‘Нам хорошо здесь стоять. Если вы печалитесь о нас, то прежде печальтесь о себе и своем бесчестье, ибо в нашей власти своей смертью сохранить свою честь’ Галицкая летопись 812.

Особенно четко адверсативная семантика появляется при референции к прошлому, в фактивном условном периоде, отсылающем к свершившемуся факту. В современном русском языке в таких контекстах в главном предложении используется частица *ведь* (обычно после адверсативных коннекторов *но*, *а*, *да*, *же*), функция которой состоит в том, чтобы побудить адресата принять во внимание информацию, релевантную для адекватной – с точки зрения говорящего – интерпретации ситуации [Левонтина 2005; Бонно, Кодзасов 1998: 428]:

(6) (1228) *дажь что зло съдоумавъ на стѣую софїю. а побегль. а мы ихъ не гонилі. нѣ бра(т)ю свою юсме казнили. а князю юсме зла не*

створили никоторагоже ‘Если он, задумав что-то дурное на святую Софию, бежал, то [мы заявляем = имейте в виду, что] мы ведь их не прогоняли, а казнили своих братьев, а князю не сделали никакого зла’ Новгородская I летопись 1070б3-8;

- (7) (1151) *дажь еси рекль моложьшему сѧ не поклоню. да се азъ тебе старѣи. есмь. не маломъ но многомъ* ‘Если ты сказал: «Младшему я не поклонюсь» – так ведь вот, [прими во внимание, что] я тебя старше, и намного’. Киевская летопись 155г27-33

Иллокутивное употребление позволяет говорящему, не отрицая истинности пропозиции условного придаточного, высказать свою точку зрения на неё, отличную от точки зрения адресата. Это сближает адверсативную условную конструкцию при иллокутивном употреблении с уступительной, которая, как известно, часто возникает на основе условной. Уступительная конструкция так же не оспаривает пропозиции условного придаточного, но указывает на обстоятельства, противоречащие ей в определенном отношении. Для ряда контекстов из летописей допустимы обе трактовки. Симптоматично, что в качестве коррелята в этих случаях иногда используется союз *нъ* ‘но’:

- (8) (1148) *годно ли ти миръ. аще зло на суть створили. но се мира ищють* ‘Хочешь ли ты мира? Если они сделали нам зло, но [прими во внимание, что] вот ведь ищут мира’ = ‘Хотя они сделали нам зло, но вот ищут мира’ Киев. лет. 133в7-9.

- (9) *и р(ч) ему ѿце кланяю ти сѧ аче ми бѣ ѿца моего мистислава ѿяль. а ты ми еси ѿць* ‘и сказал ему: «Кланяюсь тебе, отец! Если Бог отнял у меня моего отца Мстислава, то [я заявляю, что] ты мне отец»’ = ‘«Хоть Бог отнял у меня моего отца Мстислава, но ведь ты мне отец»’ Киев. лет. 151г7-12.

В условных периодах с уступительным оттенком в летописях заметна тенденция использовать союз *аче*, как в (9), который в древнерусском тяготел к уступительным контекстам [Юрьева 2022: 115].

Большая востребованность иллокутивных условных конструкций с адверсативным значением в летописных диалогах объясняется особенностями жанра летописи, в котором диалог часто служит для оспаривания презумпции собеседника и объяснения и оправдания своей собственной позиции. Известно, что в рамках определенного жанра на первый план могут выдвигаться определенные компоненты

лексической семантики, которые для других жанров оказываются неактуальными. Аналогичный отбор, как видим, происходил и в отношении семантики синтаксических конструкций. В летописном жанре у иллокутивно употребленных условных конструкций реализовалась в первую очередь адверсативная семантика.

Литература

- Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // К. Киселева, Д. Пайар (ред.) *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*. М.: 1998. С. 382-443.
- Левонтина И. Б. Об одной загадке частицы ВЕДЬ // *Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2005»*. М.: 2005. С. 106-111.
- Юрьева И. С. Условные союзы в оригинальных древнерусских памятниках разных жанров // *Русский язык в научном освещении*. 2022. № 2. С. 85–124.

АСИММЕТРИЧНОСТЬ СОЧИНЕННЫХ КЛАУЗ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОХТОННОГО СОЧИНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА¹

Вера Исааковна Подлеская^{1,2}, Наталия Алексеевна
Соломкина^{2,3}, Людмила Геннадьевна Шляхтина²

¹ИЯз РАН, Москва; ²РГГУ, Москва; ³МГПУ, Москва

Морфологическая, синтаксическая, семантическая и прагматическая симметричность клауз/предикатов традиционно считается «визитной карточкой» полипредикативного сочинения (см. подробное обсуждение этого тезиса и обширную библиографию в [Пекелис 2013]). Реальность, однако, такова, что полностью канон симметричности почти никогда не соблюдается: любая полипредикативная конструкция, претендующая на статус сочинительной, демонстрирует признаки асимметричности на одном или сразу нескольких языковых уровнях. Возможный путь к пониманию природы этого феномена может лежать через описание конструкций с «автохтонными» (лингвоспецифическими) маркерами, не имеющими хороших однословных аналогов в других языках. Одной из таких конструкций посвящена настоящая работа. Предметом исследования является японский союз *shi*.

Биклаузальная конструкция $X \text{ shi } Y$ обычно – и весьма приблизительно – переводится как ‘X и, более того/вообще Y’. В японистической литературе ([Алпатов и др. 2008; McGloin, Konishi 2010; Nogiike 1999; Tsunoda 2007] *inter alia*) союз *shi* заслуженно квалифицируется как сочинительный на синтаксических основаниях: обе связанные клаузы возглавляются финитным предикатом, ни одна из них не может быть вложена в другую, невозможно включить в сферу действия вопроса лишь одну из клауз, исключив другую. Вместе с тем, с точки зрения грамматического маркирования связанные клаузы не

---

¹ Работа поддержана грантом РФФ № № 22-18-00120.

вполне симметричны: такая грамматическая категория, как адрессив (этикетная вежливость по отношению к собеседнику) обычно выражается однократно – аффиксом на вершинном предикате второй клаузы, а сфера действия адрессива распространяется на обе клаузы. Те редкие случаи, когда аффикс адрессива имеется на вершинных предикатах обеих клауз, воспринимаются как стилистически маркированные – для выражения сверхвежливости.

Еще более заметна семантическая и, особенно, прагматическая, асимметрия компонентов конструкции с *shi*. Чтобы продемонстрировать эту асимметрию, мы воспользовались приемом контрастивного анализа на материале параллельных текстов. Материалом послужили первые две книги Дж. К. Роулинг из серии романов о Гарри Поттере – «Гарри Поттер и Философский камень» и «Гарри Поттер и Тайная комната» и их перевод на японский язык (J.K. Rowling, Bloomsbury Publishing PLC, 2015; Matsuoка Yuko. Sayzansha Publications Ltd., 1999.D). Исследовательский вопрос формулировался так: какие лексические, грамматические или дискурсивные элементы оригинала являются триггером для появления в переводе союза *shi*? Нами было выявлено три класса таких триггеров.

1. Структурные и лексические средства, которые указывают на то, что предикации предъявляются как звенья в причинно-следственной цепочке. Таким средством может быть, например, повторяющийся союз *because*:

*{Because Harry couldn't think of anything else to do}_x, {and}_shi
{because he wanted to be doing something}_y he agreed.*

2. Структурные и лексические средства, которые указывают на то, что вторая предикация имеет больший прагматический вес, чем первая. Таким средством может быть, например, выделительная частица типа *even*. При этом в переводе союз *shi* может возникать и тогда, когда в оригинале – бессоюзная конструкция:

*{Harry wasn't sure what made him do it}_x, {ø}_shi {He wasn't even aware
of deciding to do it.}_y*

3. В диалогических фрагментах текста в переводах используются конструкции с союзом *shi*, в которых вторая предикация намеренно

опущена. Фактически, происходит прагматизация союза, он начинает выполнять функции частицы-аппроксиматора: *X shi ...* 'X и все такое/вообще сам понимаешь...'. В оригинале обычно триггером являются дискурсивные маркеры-аппроксиматоры, типа *and so on*:

«All the kids want owls, {they're dead useful, carry yer mail}_X {an' everythin'_{shi}»

Союз *shi* может возникать в переводах и в тех случаях, когда структурного или сегментного триггера в английском оригинале нет, но широкий контекст позволяет переводчику усмотреть во второй предикации более весомый вклад в описание ситуации – как в следующем примере, где первая предикация вводит частное обстоятельство (банда не любит Гарри), а вторая – более общее (никто не хочет связываться с бандой)

{Everybody knew that Dudley's gang hated that odd Harry Potter in his baggy old clothes and broken glasses}_X {and'_{shi} {nobody liked to disagree with Dudley's gang._v

Полученные методом анализа параллельных текстов результаты убедительно демонстрируют семантическую и прагматическую асимметрию японских конструкций с союзом *shi*. Таким образом, синтаксис предоставляет аргументы в пользу сочинения, а грамматическое маркирование и, особенно, семантика и прагматика предоставляют аргументы против сочинения. Мы полагаем, что эти результаты говорят о том, что в зоне полипредикативности не следует рассматривать противопоставление сочинения и подчинения как привативную оппозицию: более плодотворным оказывается многофакторный подход.

Литература

- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. *Теоретическая грамматика японского языка*. В 2-х томах. Наталис, 2008.
- Пекелис О. Е. *Симметрия сочинения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.: 2013.
- McGloin N., Konishi Y. From a connective particle to a sentence-final particle: a usage-based analysis of *shi* 'and' in Japanese. // *Language Science*. 2010. Vol. 32. P. 563-578.

Horiike N. Shi o mochiita gen'in/ riyuu hyoogen ni tsuite (On the use of shi to indicate a reason/cause). // *Tsukuba Nihongo Kenkyuu*. Vol. 4. 1999. P. 71–90.

Tsunoda Mie. Te-kei setsuzoku to setuzoku hyoogen no shi: "setsu rensa to modality no kaisou" tonon kankei. // *Seijo Bungei*. 2007. Vol. 199. P. 88-72.

ИЗ ИСТОРИИ «УЛЬТИМАТИВНЫХ» СОЮЗОВ *НЕ ТО* И *А НЕ ТО* (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Анна Владимировна Птенцова

МГУ/ИЯз РАН/ИРЯ РАН, Москва

В докладе рассматривается семантическая история комплексов служебных слов *не то* и *а не то*, охарактеризованных в [РГ 1980] как составные синтаксически немотивированные союзы, выражающие альтернативно-мотивирующее значение, то есть значение, образованное в результате синтеза компонентов взаимоисключения и гипотетичности ([РГ 1980, I, 717]; [РГ 1980, II, 627]).

В современном русском языке оба комплекса регулярно используются для выражения угрозы в ситуации, которую условно можно назвать выдвижением ультиматума; ср.: *Верни мне деньги, а не то <не то> подам на тебя в суд!* (ср. в связи с этим: «Значение альтернативной мотивации, как правило, осложнено субъективной оценкой: предполагаемая ситуация <...> оценивается как нежелательное следствие неосуществления того, о чем говорится в первой части» – [РГ 1980, II, § 627]).

В материалах [НКРЯ] трехчленная конструкция *а не то* со значением альтернативной мотивации неожиданным образом фиксируется примерно на полвека раньше, чем синонимичная ей двухчленная конструкция *не то* (кажущаяся, на первый взгляд, производящей по отношению к *а не то*).

Согласно [НКРЯ], *а не то* в указанном значении впервые появляется в текстах второй половины XVIII века, где она используется несколько шире, чем в современном русском, и может иметь коррелят *так*.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-18-00528.

В текстах XVIII века *а не то* способна вводить указание на любую произвольную ситуацию, противопоставленную описываемой в левом контексте; ср.: *Коли земли мне не отведете, так стану пестредь ткать, а не то, так в дом пойду; ведь ты знаешь, что я работник не из последних* (П. А. Плавильщиков. Бобыль, 1790). Сочетание *а не то* представляет здесь собой условную (неполную) клаузу, присоединяемую к главной при помощи *так*.

Что касается комплекса *не то*, то в материалах [НКРЯ] для него не удается обнаружить подобного употребления.

В большом числе контекстов ситуация, вводимая при помощи *а не то* (с факультативным элементом *так*), является негативной; ср.: *Старик ему говорил, что счастье его великое, что попался ему навстречу, а не то так попался бы в руки другим разбойникам, где бы должен был лишиться жизни* (Сказка о французском королевиче Шатере и о прекрасной королевно Лукерии Испанской, 1788); *Сударь, будь нам отец, возврати <...> умирающей любовнице ее любезного, а не то я умру у ног твоих* (П. Ю. Львов. Роза и Любим, 1790).

Вводящее негативную альтернативную ситуацию *не то* фиксируется начиная с середины XIX века и не содержит коррелята *так*; ср.: *Ну, счастье твое, барин: никак жилье недалеко, не то и кости могли бы здесь оставить* (В. А. Соллогуб. Метель (1849); ср. также: *Редактора видеть нельзя, он теперь очень занят, а стихи, если угодно, можете оставить, не то вам придется зайти в другой раз* (И. Гриневская. Ротонда (1900).

Контексты данного типа (для *а не то* – с утратой коррелята в подавляющем большинстве случаев) частотны и в современном языке; ср.: *Отойдешь десять шагов от дороги – и подавай голос, а не то потеряешься* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, 1964); *Забирайте, – говорит, – все да поскорее, не то Маланья мне рога пообломает* (О. Тихомиров. Про козла Евдокима // «Мурзилка», 2001).

«Ультимативные» употребления *а не то*, в которых данная конструкция подразумевает намеренную каузацию негативной для адресата ситуации в случае невыполнения им определенных условий, также фиксируются начиная с XVIII века. Употребление коррелята *так* является факультативным и в подобных случаях; при этом варьирование может наблюдаться в пределах одного текста; ср.: *Поди опять к ветру и проси у него, чтоб отдал нашу муку, а не то так я*

тебя прибью до смерти; Вели отдать мою коробочку, а не то худо всем будет (оба примера из текста «Смирный мужик и драчливая жена» [сказка], 1780-1790).

«Ультимативное» *не то*, как и *не то*, вводящее негативную альтернативу в более широком смысле слова, фиксируется с середины XIX века; ср.: *Смирись, Сеня, смирись, не то донесу, все, братец ты мой, расскажу, понимаешь?* (Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846).

Для комплекса *а не то* легко видеть, что в диахроническом отношении вводимые им клаузы трех описанных типов образуют цепочку с семантическим сужением на каждом следующем шаге: эти клаузы могут вводить указание на предполагаемую альтернативную ситуацию 1) любого типа; 2) негативного типа; 2) негативного типа в «ультимативных» контекстах.

Все три типа контекстов фиксируются начиная с XVIII века, но в современном русском языке контексты первого типа вышли из употребления; ср. прагматически странное ?? *Купи мне билет на поезд, а не то приеду на автобусе.*

«Ультимативные» же контексты, по-видимому, наиболее частотны для современной конструкции *а не то*; ср.: *А вот все ваши соображения о народонаселении вы принесете сюда, – он постучал по столу, – а не то у вас будут большие неприятности* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Что же касается синонимичной двукомпонентной конструкции *не то*, то она, по-видимому, возникла не менее чем на полвека позже и могла вводить лишь указание на негативные ситуации. В современном языке *не то* также используется преимущественно в «ультимативных» контекстах; ср.: *Отпускают и англичанина, но с условием: через два месяца он должен привезти два миллиона фунтов стерлингов за невесту, не то голову ей отрежут* (Е. Барабаш. Это не «Брат-3»... // Вечерняя Москва, 2002).

Литература

Русская грамматика. Т. 1. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., «Наука», 1980.

Русская грамматика. Т. 2. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., «Наука», 1980.

Национальный корпус русского языка, Основной подкорпус [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/search?search=Ch0iFwoVChMKb2NyZWf0ZWQiCAjsDhDnDxgCMgIIAQ%3D%3D> (дата обращения 10.06.2023).

МЕЖФРАЗОВЫЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Татьяна Ивановна Стексова

НГПУ, Новосибирск

Служебные единицы, выполняющие связующую функцию, неслучайно находятся в центре внимания исследователей. Это объясняется тем, что в качестве служебных средств связи используются не только сочинительные и подчинительные союзы, но конструкции, находящиеся на разных этапах лексикализации, грамматикализации и фразеологизации. В современном русском языке в результате действия этих процессов появилось большое количество служебных и полуслужебных единиц на основе знаменательных частей речи, которые уже неоднократно становились объектом научного исследования. Наряду с этим можно наблюдать, как десемантизация и утрата пропозитивности одной из клауз сложного предложения также приводит к тому, что эта часть предложения начинает выполнять служебную функцию, превращается в межфразовое средство связи.

В докладе предлагается рассмотреть две конструкции, которые выполняют текстообразующую функцию: *дело в том, что; что до ...* Все предложения с этими компонентами имеют неопределенный синтаксический статус: формально они строятся как сложноподчиненные предложения, но с точки зрения семантической такие предложения не характеризуются полипропозитивностью. Такие предложения, лишь внешне воспроизводящие схему сложного предложения, являются, по Т. А. Колосовой, предложениями асимметричной структуры [Колосова 1980]. М. И. Черемисина и Т.А. Колосова предлагают рассматривать стандартизованные, застывшие предикативные единицы в качестве текстовой скрепы. По их мнению, «они являют собой пример вовлечения в круг показателей связи между частями крупного целого, между сегментами текста не только отдельных лексических единиц и сочетаний, но и специфических синтаксических конструкций, в структуре которых на службе у связующей функции оказываются даже предикативные схемы»

[Черемисина, Колосова 2010: 180]. Но при общности связующей функции эти конструкции имеют и принципиальные различия, связанные со степенью десемантизации, синтаксической позицией и возможностью употребления на разных уровнях.

Дело в том, что...+ (ПЕ)

Эта скрепа устанавливает **связь между пропозициями**, одна из которых выражена в предшествующем тексте, а вторая в зависимой предикативной единице.

Основываясь именно на таких примерах, Г.А. Золотова утверждала, что «конструкция *дело в том, что* формализовалась почти до роли причинного союза» [Золотова 1964: 279]. И в некоторых случаях это утверждение совершенно правомерно, т.к. можно трансформировать два отдельных предложения в одно с придаточным причины, где конструкция в роли причинного союза вводит объяснительную, мотивационную часть текста: *Однако эти данные вряд ли можно считать объективными, причем именно по причине их интернетовского происхождения. Дело в том, что Всемирная паутина — это как раз то место, где Гейтса ненавидят сильнее всего.* («Известия» 2002.02.12).

Но анализ языкового материала показывает, что данная конструкция может вводить информацию не только с причинной семантикой, но и целевой. *Причем замена производится довольно быстро — если верить производителю, технология та же самая, что при обычной смене колеса. Для чего это нужно? Дело в том, что благодаря низкому давлению гусеницы на землю джип превращается в настоящий вездеход — теперь он может передвигаться не только по бордюрам, но и свободно разъезжать по снегу, грязи, песку и даже болотам.* ("Homes & Gardens", 2004). Ср.: *Замена колес на гусеницы нужна для того, чтобы джип мог передвигаться не только по бордюрам, но и свободно разъезжать по снегу, грязи, песку и даже болотам.* Скрепа *дело в том, что* может устанавливать связь и на уровне ментальных операций (**между фактом и суждением**), т.е. использоваться для обоснования личного мнения (говорю так, потому что). *Казалось бы, Геннадий Селезнев должен праздновать победу. Ну и что, что не вышло стать подмосковным губернатором? Зато он опять стал четвертым человеком в стране. Победа эта на самом деле пиррова. Дело в том, что, пытаясь удержать свое место у кормушки,*

г-н Селезнев сумел испортить настроение аж двум своим начальникам. ("Карьера", 2000). Но наряду с этим встречаются фрагменты текста, где интерпретация употребления конструкции *дело в том, что* вызывает затруднение, в них невозможна замена сочетания причинным или целевым союзом. Скрепка выполняет акцентно-выделительную функцию.

что до N2, (то) + (ПЕ)

Данную синтаксическую конструкцию можно считать таким вариантом конструкции *что касается*, в котором десемантизированный элемент *касается* выпал, а управляемая предложная группа сохранилась, при этом беспредложный родительный не употребляется. Обычно отмечается использование этого оборота для фиксации смены микротемы (т.е. метатекстовая функция). Такие показатели связи, по мнению Т.В. Шмелевой, важно отделить от метапоказателей, которые в отличие от текстовых скреп выражают, в частности, организацию тематической основы текста с ее последовательностью тем, введением новых или возвращением к уже присутствующим в тексте. А текстовые скрепы выражают логические отношения между компонентами – соединительные, присоединительные, сопоставительные, противительные, градуальные, пояснительные; причинные, уступительные, следования и т. д. [Шмелева 2023]

Но можно выделить разные функции этого оборота в зависимости от типа текста (монологического или диалогического). В монологическом тексте этот оборот сигнализирует о сочинительной связи на **пропозициональном уровне** (сопоставление двух фактов): *Если экологи дадут компании добро, она сможет производить из вторсырья 6 т пластиковых изделий в сутки. **Что до** переработки стекла, то ей намерено заняться одно из подразделений ВИЗа...* (Н. Малетин. Потребительская корзина для мусора // «Деловой квартал», 10.02.2003); на **логическом уровне** (противопоставление или сопоставление двух мнений, а также связь между фактом и суждением): *Не смотрите на меня так удивленно, Володя. **Что до** меня — то я убежден, что террористов необходимо обнаруживать, разоблачать и карать ...* (В. Белоусова. Второй выстрел). В диалоге он устанавливает связь на **метатекстовом уровне** (маркирует отход от реплики-стимула и возврат к поднятой собеседником теме). Таким

образом, можно говорить об омонимии текстовой скрепы и метатекстовой единицы. Именно поэтому в отличие от скрепы *Дело в том, что...* данное средство связи может не только занимать инициальную позицию в предложении, но и находиться внутри предложения, завершать его и даже выступать отдельным фрагментом в тексте (в виде прерванного предложения).

Литература

- Золотова Г. А. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке // *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*. М.: Наука, 1964. С. 275-302.
- Колосова Т. А. *Русские сложные предложения асимметричной структуры*. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1980.
- Черемисина М. И., Колосова, Т. А. *Очерки по теории сложного предложения*. Изд.2-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2010.
- Шмелева Т.В. *Текстовые скрепы в кругу показателей связи* (в печати).

УНИКАЛЬНОСТЬ УЧЕБНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ СЕМИНАРИСТОВ КАК ИСТОЧНИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИМЕРОВ

Мария Валерьевна Турилова

независимый исследователь

В докладе проанализированы учебные проповеди учащихся Калужской духовной семинарии, размещенные на официальном сайте учебного заведения (www.kalugads.ru).

Тексты являются уникальным источником лингвистических примеров. Необходимо учитывать следующее.

1. Опубликованные тексты представляют собой произнесенные проповеди. Некоторые из них покорректированы, а некоторые записаны прямо так. 2. Семинаристы имеют разные возраст, уровень образования, внеучебные интересы. 3. Некоторые учащиеся на 1 или 2 курсе, а другие — на старших. Первые стараются или «играют», чтобы справиться с неловкостью, выглядеть смешно и скромно, показать прихожанам, что настоящую проповедь говорит священник, а не прихожане или семинарист. Вторые часто больше волнуются, как бы на экзамене, но могут специально ошибаться, чтобы не выглядеть как «на параде». 4. Интересны намеренные ошибки семинаристов. 5. Можно сопоставить пересказы и цитирования Священного Писания и святоотеческих трудов с источниками. 6. Семинаристы часто говорят на соединении русского и церковнославянского языков, переходя на цитаты из Минеи, Октоиха, Тропария, Ирмология, канонника, молитвослова, Библии и других книг на церковнославянском языке. Нормы этих текстов при хорошем знании этих текстов наизусть могут влиять на русский язык проповедей.

В проповедях представлены смысловые коннекторы, связывающие простые предложения на всех четырех уровнях.

1. Пропозициональный уровень.

Он [великомученик Артемий] начал свою службу еще при

Константине Великом, потом верой и правдой служил его сыну Констанцию, **за что** тот поставил его наместником над Египтом.

2. Логический уровень.

Предаваясь этим порокам [блуду, развращенности и бесстыдству], человек становится полностью подвластен дьяволу, **потому что** из-за этих грехов страдает не только душа, но и тело.

В возлюбившем Христа человеке окружающие начинают видеть образ Единого, человек в прямом смысле слова источает жизнь, она в нем избыточествует, **так что** и твари бессловесные поклоняются ему.

Святая Церковь вспоминает эти события именно в последний день перед Великой Четыредесятницей для того, **чтобы** мы хотя бы на время поста помнили, что бывает за отступление от заповедей Господних.

3. Иллокутивный уровень.

Если открыть Священное Писание и найти Послание апостола Павла к ефесянам, **то** там содержатся такие слова: «Знайτε, что никакой блудник, или нечистый (развратный), или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога» (Еф. 5, 5).

4. Метатекстовый уровень.

Также святитель Иоанн Златоуст целомудрием называет здравие ума и души. **То есть** в наше время целомудрие — это воздержание человека от блудных дел и отрицание всех скверных помыслов и мечтаний.

Поскольку смысл жизни каждого человека обожение, то есть соединение человека с Богом, Христос, облаченный в человеческую плоть, Своим вознесением открыл путь к Небесному Царству каждому человеку.

В целом, можно сделать вывод о том, что предложения типа 2–4 являются эллиптическими, с пропущенным простым предложением. Отнесение авторских примеров к тому или иному типу вариативно, является интерпретацией читателя, может обуславливаться риторическим приемом умолчания, оксюморона, «скрытой пропозиции» авторов текстов, что означает: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного» (преподобный Амвросий Оптинский).

Для типов 2–4 коннекторы становятся условными, можно говорить о смысловой «сочинительности» связи между простыми предложениями и равноправии двух частей с точки зрения теоретической грамматики и синтаксического описания. Формально же есть пунктуационно оформленная подчинительная связь главного и придаточного предложений, связанных подчинительными союзами или союзными словами.

Я благодарю Его Высокопреосвященство митрополита Калужского и Боровского Климента, духовенство Калужской Митрополии, руководство, преподавателей, студентов Калужской духовной семинарии за возможность выполнения, обсуждения, проверки данной работы.

Литература

- Апресян Ю. Д. *Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика*. М.: Школа «Языки русской культуры», Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- Всеволодова М. В. *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. М.: Изд-во Московского университета, 2000.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. М., 2004.
- Кобозева И. М. *Лингвистическая семантика*. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001.
- Уфимцева А. А. *Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка)*. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
- Учащиеся Калужской духовной семинарии. *Проповеди*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kalugads.ru> (дата обращения 27.08.2023).

СОЮЗ *ИЛИ* – ПРОСТОЙ ИЛИ СОСТАВНОЙ?

Елена Владимировна Урысон

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

Союз ИЛИ традиционно относится к простым союзам (ср. И, А, НО, ЧТО и т.п.). В концепции семантических примитивов ИЛИ (по крайней мере, в основном значении) относится к нетолкуемым, т.е. неразложимым единицам.

Однако в составе союза ИЛИ отчетливо выделяются две единицы: И и ЛИ. В работе будет продемонстрировано, что в значении ИЛИ тоже содержатся два компонента, один из которых соответствует семантике И, а другой – семантике ЛИ. При этом союз ИЛИ не поддается полному разложению, так чтобы его толкование удовлетворяло требованиям, предъявляемым к толкованиям современной семантикой.

В работе обсуждается статус подобных единиц с точки зрения теории семантических примитивов.

ПРАВДА И ПРАВДА СКАЗАТЬ: ОТ ПРЕДИКАТА К КОННЕКТОРУ¹

Антон Владимирович Циммерлинг^{1,2}, Татьяна Евгеньевна
Янко²

¹ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва; ²ИЯз РАН, Москва

Русское слово *правда* является предикатным существительным, отражающим отношение суждения к действительности и одновременно выражающим положительное отношение к акту вербализации суждения, который говорящий признал верным [Арутюнова 1995: 17]. Дискурсивные употребления слова *правда* и оборота *правда сказать* воспроизводят верификативные смыслы. Различаются контексты, где говорящий сам выступает в качестве гаранта верификации (в этом случае слово *правда* получает рематический акцент) и контексты, где говорящий принимает верификацию *p*, произведенную другими лицами (в этом случае слово *правда* безударно).

Рассмотрим соотношение описаний оператора *правда* и уровневых моделей связности текста [Tsunoda 2018; Инькова 2019]. Словарь С. И. Ожегова выделяет три несубстантивных употребления слова *правда*, классифицируя их как вхождения вводного слова, союза и частицы: <4.> вводн. сл. Утверждение истинности, верно, в самом деле. *Я, правда, не знал этого.* <5.> союз. Хотя и, следует признать, что (разг.). *Погоуляли хорошо, правда устали.* <6.> частица. Выражает утверждение, уверенное подтверждение. *Я правда уезжаю.* В <4.> и <5.> слово *правда* является коммуникативно безударным, в то время, как в <6.> частица *правда* несет контрастный рематический акцент [Янко 2001: 326-330]. Различение случаев <4.> и <5.> опирается на два критерия: а) линейную позицию — союзное *правда* обычно стоит в начале зависимой клаузы, (ср. однако, *Погоуляли хорошо, устали*

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

правда), в то время как для вводного *правда* характерна позиция парентезы, хотя его можно перенести и в начало клаузы, ср. *Правда, я не знал этого*; б) синонимические замены — в <4.> вводное *правда* можно заменить другими операторами верификации, ср. *Я действительно не знал этого*, а в <5.> такая замена исключена, но союзное *правда* частично синонимично союзам *хотя и, хоть и, но* ср. *Погоуляли хорошо, хотя и / но устали*. Все три употребления естественно отнести к пропозициональному уровню. Вводное употребление *правда₄* при поддержке контекста может быть отнесено и к уровню умозаключения: *Я, правда, как ты мог заметить, не знал этого*. Союзное употребление *правда₅* при поддержке контекста может интерпретироваться и как маркер иллокутивной связности: *Погоуляли хорошо, правда₅ (обрати на это внимание) устали*. Для ударного *правда₆* трудно найти контекст, допускающий непропозициональную интерпретацию.

Коммуникативный статус парентезы в русском языке исключает возможность использования в ответной реплике [Баранов, Кобозева 1984], ср. — *Ты, верно, напился?* — **Верно*; — *Он, чего доброго, смеется с авансом?* — **Чего доброго* [Янко 1995: 176]. *Правда₄* тоже не может формировать ответную реплику. Однако ударное верификативное *правда₆* — может: — *Ты, что, правда опоздал?* — *Правда*. Ср. также разговорные синонимы *правда₆*, операторы *конкретно* и *реально*: — *Он, что, конкретно наклюкался?* — *Конкретно*. Речевое клише *правда сказать* используется исключительно в функции парентезы: — *Он, правда сказать, подзабыл арабский язык*. — **Правда сказать*. Это клише — реликт древнерусского синтаксиса, где пациентивный аргумент независимой инфинитивной клаузы маркируется имен.п. При внешне выраженном матричном предикате вероятность маркирования дополнения инфинитива имен.п. была ниже, чем в независимом инфинитивном предложении. Именно такое распределение для *правда сказать* и его регулярного синонима *правду сказать* показывает НКРЯ. Ни одного примера с *правда сказать* в позиции вложенного инфинитива, ср. **надо/следует правда сказать*, в корпусе нет. В то же время, для варианта с вин.п. такие употребления обычны, ср. *надо/нужно/надобно правду сказать*, ср. также в условной клаузе: *если / коли / ежели правду сказать*.

Таким образом, русский язык одновременно использует изолированные употребления оператора *правда* и обороты типа *правда сказать*, *правду сказать*, *сказать по правде*: дискурсивное слово *правда* ни в одном из своих употреблений не специализировано в качестве показателя иллокутивной связи, в то время как для инфинитивных оборотов со словом *правда* эта функция является главной.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Истина и этика. // Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (отв. ред.). *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке*. М., 1995. С. 7-35.
- Баранов А. Н., Кобозева И. М. Вводные слова в семантической структуре предложения // *Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры*. Красноярск, 1984.
- Инькова О. Ю. Логико-семантические отношения: проблемы классификации // О. Ю. Инькова, Э. Манзотти *Связность текста: мерологические логико-семантические отношения*. М., 2019.
- Янко Т. Е.. Коммуникативный статус выражений со словом ПРАВДА // Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева (отв. ред.). *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке*. М., 1995. С. 173-177.
- Янко Т. Е. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М., 2001.
- Tsunoda T. (ed.). *Levels in Clause Linkage: A Crosslinguistic Survey*. Walter de Gruyter, 2018.

ПОЛИПРОПОЗИТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С КОННЕКТОРОМ *В СВЕТЕ ТОГО, ЧТО* КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ПРИЧИННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Елена Сергеевна Шереметьева

ДФУ, Владивосток

1. *В свете того, что* – образование союзного типа, которое должно быть отнесено к группе синтагматических соединений [Русская грамматика 1980, т. 1, с. 717], включающее в свой состав предложно-падежную форму *в свете*, в свою очередь способную выполнять функции, аналогичные функциям предлога (релятива): *в свете сокращения штатов – в свете того, что идет сокращение штатов*. Прозрачная метафора (*в свете лампы / фонаря / костра – в свете последних событий*) свидетельствует о слабой грамматикализованности соединения, однако его функции полностью соответствуют понятию «коннектор».

2. Доминирующей семой релятива *в свете* является сема ‘осмысление’ [Шереметьева, 2008], входящая и в состав союзного соединения в полипредикативной конструкции: *в свете того, что* используется при необходимости указать на то, что одна ситуация получает оценку в результате анализа и осмысления другой ситуации: ***В свете того, что*** *ремкомплекты для этих двигателей производителем не выпускаются, особое значение приобретает диагностика мотора с выяснением истории этого автомобиля.* («Автопилот», 2002.08.15. НКРЯ).

3. Субъект мнения может быть скрыт, в таком случае в главной части представлена только оценка: *Р важно / актуально / интересно / логично*; может быть эксплицирован через предикаты, отражающие ментальный акт «делать вывод», представляющие оценку как субъективную точку зрения: *Р видится / кажется / выглядит – логичным / сомнительным / странным в свете того, что. Записочка была самая простая, записка начинающего поэта, студента, который*

должен был увидаться с редактором большой газеты, заинтересовавшейся его стихами. **Но в свете того, что** потом произошло с Бухариным, записка **выглядела страшиновато** (К. Симонов. Глазами человека моего поколения. НКРЯ). Одни из способов введения субъекта мнения – вопрос: **Но – в свете того, что** рассказано выше, – не без хозяина ли они этим занимаются? (А. С. Черняев. Дневник. НКРЯ).

4. Реже результат анализа может быть представлен не как оценка, а как факт принятия решения: **В свете того, что** страна стремится уйти от нефтяной зависимости и главным двигателем экономики сделать малый бизнес, **было предложено** уменьшить на него налоговый гнёт (Деснянская правда. НКРЯ).

Кроме того, в главной части может быть указание на процесс анализа ситуации: состоится обмен мнениями ... **в свете того, что**

5. Выводы: (1). Полипредикативная конструкция с союзным соединением *в свете того, что* представляется собой одну из «неэлементарных» [Заика 2019] причинных конструкций, в которой устанавливается каузальная связь между фактом, его анализом и выводом (суждением). (2). Специфика конструкции полностью предопределена релятивным компонентом «в свете» и имеет те же самые лексико-семантические особенности, что и монопредикативная конструкция *в свете N₂*.

Литература

- Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // *Вопросы языкознания*, 2019, № 4. С. 7-32.
- Русская грамматика*. Т. 1. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., «Наука», 1980.
- Шереметьева Е. С. *Отыменные релятивы современного русского языка*. Владивосток: 2008.